

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Чингиз Абдуллаев

**Очевидная метаморфоза.
Путь война**

«PEN-клуб»

Абдуллаев Ч. А.

Очевидная метаморфоза. Путь воина / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,

ISBN 978-5-17-051264-5

Нищий художник, чья единственная надежда разбогатеть – найти деньги на дороге. Смешно? Совсем не смешно! Потому что деньги – спортивная сумка с огромной суммой долларов – и вправду находятся. Удача? Нет... Не стоит незамедлительно тратить полученные деньги. Не стоит развлекаться в стиле «классических новых русских». У денег всегда есть хозяева. А криминальный мир – очень тесен, и в нем хорошо знают, как заставить вернуть неожиданную находку!..

ISBN 978-5-17-051264-5

© Абдуллаев Ч. А.
© PEN-клуб

Содержание

Очевидная метаморфоза	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

*И все, к чему прикоснется
нечистый, будет нечисто;
и прикоснувшийся человек
нечист будет до вечера.*

Числа, 19, 22

Очевидная метаморфоза

Глава 1

Рейс из Душанбе всегда особенный. Таможенники выходят на него, как на свой последний бой. Здесь всегда гарантирован «улов» наркоторговцев. Даже если происходят иногда чудеса и среди пассажиров не оказывается явных наркоторговцев, то и тогда можно найти среди прибывших гостей пару-другую наркоманов, которые с лихорадочным блеском в безумных глазах оглядываются вокруг, пытаются понять, куда они попали.

Наркоманов, впрочем, стараются не трогать. Их беспрепятственно пропускают, проверяя лишь багаж на наличие небольших доз, предназначенных для личного употребления. Но таможенники тщательно проверяют багаж и досматривают других пассажиров, которые, как ни стараются казаться невозмутимыми, все же выдают свое волнение, и едва заметные его признаки известны проверяющим. Таможенники уже знают, к каким ухищрениям прибегают наркокурьеры, чтобы провести свой груз. Неистощимые на выдумку, они пробуют все новые и новые тайники для провоза белого порошка, позволяющего людям забыть, отключившись от действительности. Таможенники приобретают неоценимый опыт с каждым задержанным наркокурьером. И поэтому их ничто не может удивить. Единственный гарантированный способ провоза наркотиков – это заглатывание пластиковых пакетиков, чтобы провести их через таможню в собственном желудке. Но и этот вариант в последние годы начинает давать осечку. Таможенники зорко следят за всеми, кто пытается пролезть без очереди и поскорее проскочить через досмотр. За такими внимательно следят – как они нервничают, понимая, что каждую секунду пакетик может быть разъеден желудочным соком и тогда либо гарантированная смерть, либо гарантированная больница и тюрьма. Любой из подобных вариантов не очень заманчив, и наркокурьер пытается любой ценой скорее покинуть аэропорт. Некоторые умудряются сразу бежать в туалет, не подозревая, что и там за ними следят.

«Глотателями» называют таких курьеров, которые серьезно рискуют собственной жизнью, провозя наркотики столь опасным, жутким способом. Это обычно самые отчаявшиеся, самые никчемные курьеры в иерархии наркодельцов: либо опустившиеся наркоманы, которые пытаются таким образом заработать на очередную порцию, гарантирующую забвение, либо бедняки, не имеющие возможности зарабатывать другим способом. В последние годы участились случаи провоза наркотиков таким необычным способом и среди женщин, и среди пожилых людей, не замеченных ранее в употреблении дурманящего зелья. Все дело в том, что одна подобная перевозка может дать денег на год жизни в таджикском селе. Целый год семья может существовать на деньги, вырученные от провоза одной партии наркотиков. И поэтому недостатка в наркокурьерах нет. Они снова и снова пытаются прорваться через кордон.

Но мужчина, терпеливо дожидавшийся своих чемоданов у ленты багажного транспортера, был спокоен и даже улыбался, глядя, как остальные пытаются быстрее пройти пограничный и таможенный контроль. Мужчина был среднего роста, с аккуратно подстриженными короткими усиками, словно наклеенными на его широкое лицо. Большая черная родинка на правой щеке, одутловатое лицо, раскосые глаза, короткая стрижка. Он не суетился – спокойно

положил свои чемоданы на тележку и двинулся к зеленому коридору. Многие пассажиры считают, что, следуя через зеленый коридор, они гарантируют себе беспрепятственный проход. На самом деле скрытые камеры наблюдения и специальная техника применяются и в этом коридоре, но она невидима и неизвестна обычным пассажирам. Однако незнакомец не торопился. У него был дипломатический паспорт сотрудника таджикского посольства, и поэтому он шел по коридору не спеша, прекрасно зная, что таможенники предпочитают не связываться с обладателями подобных паспортов.

Оказавшись в зале ожидания, он кивнул двум молодым ребятам, которые ждали его у выхода. Забрав его чемоданы, они понесли их в машину, припаркованную у здания аэропорта, хотя такая парковка запрещалась правилами. Незнакомец посмотрел по сторонам и пошел к лестнице, откуда можно было пройти в зал прилета для особо важных гостей. Поднявшись по лестнице, он объяснил охраннику, что встречает женщину, прилетевшую из Таджикистана. Охранник проверил список заявок и, найдя нужную фамилию, пропустил незнакомца в VIP-зал. Тот вошел в зал, огляделся. Навстречу ему поднялась женщина. Это была жена ответственного сотрудника правительства, которая прилетела в Москву к своей дочери. Женщина улыбнулась незнакомцу.

– Наши вещи уже принесли, – сообщила она.

– Спасибо вам, – тепло поблагодарил ее дипломат. – У меня уже было два чемодана, и вы мне очень помогли с третьим. Иначе мне пришлось бы доплачивать за него большую сумму.

– Мы должны помогать друг другу, – сказала женщина. Она беспокоилась о своей дочери и совсем не думала о чемодане дипломата, который прилетел вместе с ней. У нее тоже был дипломатический паспорт, как у жены очень ответственного лица из правительства республики. Носильщики принесли несколько чемоданов, среди которых были чемодан дипломата. Он забрал свой чемодан и, поблагодарив женщину, пошел к выходу.

Усевшись в большой белый «Мерседес», дипломат кивнул, разрешая водителю ехать. Оба молодых человека расположились на переднем сиденье. Один из них и был водителем. Отъехав от здания аэропорта, миновали неприметную, заляпанную весенней грязью машину, стоящую у обочины. Это была бежевая «Волга», в которой сидели двое мужчин. Один из них поднял переговорное устройство.

– Внимание, – сказал он, – начинаем. Они выехали из аэропорта.

За «Мерседесом» двинулось сразу несколько автомобилей, стоявших у здания аэропорта. Сменяя одна другую, они следовали за белым «Мерседесом». Переговоры между автомобилями шли постоянно. Сразу пять различных машин обеспечивали должный уровень наблюдения. Было очевидно, что в операции задействованы большие силы.

– Внимание, – сказал один из наблюдателей, – машина направляется в сторону города.

Дипломат, сидевший в «Мерседесе», достал нож и открыл свой чемодан. Осторожно разрезал обшивку. За ней была легкая картонная перегородка, он вытащил ее. За ней лежало около пятидесяти пакетов с белым порошком, размещенных равномерно по всей крышке чемодана. Дипломат натянул на руки тонкие резиновые перчатки, взял пустую сумку, лежавшую рядом с ним. Осторожно переложил все пакеты в сумку, укладывая их таким образом, чтобы они не создавали излишнего давления друг на друга. Затем завалил пакеты сверху бельем из чемодана. Закрыв сумку, запер чемодан, снял перчатки и усмехнулся. Пока все шло хорошо.

– Давай быстрее, – приказал он водителю. – Мы можем опоздать.

Сидевший за рулем молодой человек кивнул и прибавил скорость. Его напарник поправил пистолет, висевший у него в кобуре под пиджаком. Машина пошла быстрее.

– Внимание, – передал один из наблюдателей, – они увеличивают скорость. Будьте осторожны, старайтесь не мешать друг другу.

Дипломат оглянулся. Пока все шло нормально. Если сегодня все будет в порядке, он вернет все долги и заработает сумму, достаточную для покупки квартиры в Москве. Любой

из дипломатов их республики, попадавших сюда на работу, мечтал только об одном – обосноваться в России, сделать все, чтобы не возвращаться обратно с семьей в Душанбе, в разоренную войной республику. В сумке, лежавшей рядом с ним, белого порошка ровно на один миллион долларов. Ему ничего не нужно придумывать. Только отдать эту сумку и получить другую. И тогда можно будет забыть обо всех опасениях, как о тревожном сне. Хотя если все получится хорошо, наверно, можно попробовать и второй раз. Это совсем не трудно, полететь в Душанбе и взять очередную партию товара. Просто на этот раз партия оказалась чрезвычайно большой. Такого раньше не было. Но и возможности раньше не было для подобной перевозки. Он прекрасно знал, что владельцев дипломатических паспортов не проверяют. Однако в последнее время стали задерживать и дипломатов, после того нашумевшего случая в Казахстане, когда арестовали представителей их посольства. Правда, на этот раз все было немного иначе. Жену такого влиятельного человека не должны были проверить ни в Душанбе, ни в Москве. Именно поэтому дипломат решился перевезти такую большую партию товара. Знал, что можно будет гарантировать его безопасность.

– Мы опаздываем, – нервно сказал дипломат, взглянув на часы, – давай быстрее!

– Успеем, – ответил водитель. – Мы их предупредили, что ваш рейс задержался на полчаса.

– Напрасно звонили, – раздраженно заметил дипломат, – мы могли бы успеть, а вы только испортили.

– Лучше приехать пораньше, – резонно заметил сидевший рядом с водителем его напарник.

– За нами никто не следит? – спросил дипломат.

– Нет, – ответил водитель, – все чисто. Вы можете не беспокоиться. Я все время проверяю.

Их автомобиль медленно двигался в возникшей пробке перед светофором. В нескольких метрах от них находилась белая «Волга», в которой сидели трое мужчин. Они смотрели на «Мерседес» и молчали. Впереди машины дипломата стоял белый «Фольксваген», в котором находились мужчина и женщина. Женщина достала переговорное устройство.

– Они позади нас, – сообщила она сидевшим в белой «Волге». – Сейчас на светофоре мы повернем в сторону, а вы ежайте за ними. На следующем перекрестке вас подменит Четвертый.

– Мы поняли, – ответили из белой «Волги».

Когда включился зеленый свет, «Фольксваген» свернул в сторону, а белая «Волга» тронулась за «Мерседесом». Через некоторое время «Мерседес» подъехал к следующему светофору, и белая «Волга» свернула в сторону, уступая место другому автомобилю. Подобная смена наблюдателей осуществлялась на протяжении всего пути, и водитель дипломата ничего не мог заметить. К тому же у него не было опыта, он не знал, как вообще делаются подобные вещи. Ему казалось, что на поворотах за ними должна следовать одна и та же машина, которую он легко вычислит. Но наблюдатели применяли гораздо более изощренные методы.

Через полчаса «Мерседес» подъехал к жилому кварталу, состоявшему из нескольких девятиэтажных домов. Дипломат взглянул на табличку дома. Номер «9а» прочел он и удовлетворенно кивнул.

– Он будет ждать в подъезде, – сообщил водитель. – У него будет такая же сумка. Двор проходной, войдете в дом, выйдете с другой стороны во двор. Подъезд номер три. Мне пришлось искать одинаковые сумки, зачем они нужны были? Лучше переносить деньги в «дипломатах» или в чемоданах.

– Это дурной вкус, – возразил дипломат, забирая сумку. – Только в боевиках можно увидеть, как меняют товар на деньги в портфелях. Сумка лучше, она не вызывает подозрений.

Он вышел из автомобиля и огляделся. Кажется, все тихо. Он даже не мог предположить, что в этот момент за ним одновременно наблюдают несколько человек и ведется видеосъемка. Дипломат вошел в дом с сумкой в руках.

– Внимание, – сказал сидящий в бежевой «Волге» человек в штатском. Полковник никогда не носил формы, он всегда появлялся в штатском, но многие наркоторговцы хорошо знали этого невысокого человека с глубоко посаженными глазами. – Всем приготовиться. Действовать после нашего сигнала. Дождаться обмена.

Дипломат вошел в подъезд. Здесь все было тихо. Он поморщился. Запах мочи ударил ему в нос. На полу у лифта спал какой-то пьяный. Дипломат брезгливо обошел его и посмотрел наверх. Кажется, все в порядке. Пьяный пошевелился, у него было красное лицо. Дипломат прошел подъезд, вышел во двор. Здесь играли ребятишки, на скамейках сидели молодые мамы. Он огляделся. Кажется, можно идти дальше. Где этот третий подъезд? Он не мог даже предположить, что в этом доме находится два третьих подъезда. Он не мог даже представить себе, что такое возможно. Поэтому, повернувшись направо, он пошел к подъезду, на котором была написана цифра «3». Откуда ему было знать, что это подъезд уже другого дома, а третий подъезд этого дома находился рядом, слева от него.

Дипломат вошел в другой подъезд и увидел спускавшегося сверху пожилого человека с пакетом в руках. На нем был короткий зеленый плащ и берет.

– Извините, – сказал дипломат несколько озадаченно, – это третий подъезд?

– Да, – улыбнулся пожилой незнакомец, – это третий подъезд.

– Здесь должна быть квартира сорок два, – промямлил дипломат.

– Есть такая. Я живу в этой квартире, – ответил старик, поправляя берет.

Дипломат растерялся. Он знал в лицо человека, который должен был передать ему деньги. Он точно знал в лицо этого человека и не мог ошибиться. Всякие пароли и шифры были не нужны, когда ты заранее знаешь, с кем именно должен встречаться. Пароли ненадежны в таких случаях. Гораздо лучше личное знакомство.

– Простите, – торопливо сказал дипломат, – наверно, я ошибся. А какой это дом – девять «а»?

– Нет, – рассмеялся старик, – это просто девять. У нас часто путают подъезды и дома. Даже на почтамте часто путают письма. Вам нужно выйти из подъезда и пройти налево. Там тоже будет третий подъезд, как раз напротив.

– Встреча состоялась, – доложил один из сотрудников милиции, наблюдавший из соседнего подъезда за разговором стоявшего на лестнице дипломата с незнакомым мужчиной в берете.

– Начинаем захват, – приказал сидевший в бежевой «Волге» полковник.

Дипломат закончил разговор и вместе с незнакомцем начал спускаться вниз по лестнице. Когда они вышли во двор, со всех сторон послышались крики. Молодая мама, бросив коляску, устремила к ним. Лежавший на полу первого подъезда пьяница с красным лицом оказался трезвым человеком и ринулся к ним, стирая краску с лица. Дипломат растерянно оглянулся. Он не успел опомниться, когда у него из рук вырвали сумку. У незнакомца, стоявшего рядом с ним, вырвали пластиковый пакет.

Заплакала девочка, увидевшая, как у дядей отбирают их вещи. Полковник подошел к дипломату, подозвал несколько свидетелей. Из сумки высыпали сначала рубашки и майки, а потом белые пакеты с наркотиками. Однако в пластиковом пакете старика оказались газеты и журналы.

– Где деньги? – озадаченно спросил один из сотрудников.

«Они обо всем знали», – холодея, подумал дипломат.

– Кто вы такие? – растерянно спросил пожилой сосед в зеленом берете. – Что вам нужно?

– Где деньги? – зло крикнул один из сотрудников, но полковник его прервал.

– У вас есть документы? – спросил он, обращаясь к незнакомцу в зеленом берете.

– Конечно, – кивнул тот, – но мои документы сейчас дома. Можете подняться ко мне и попросить их у моей внучки. Или у моей невестки. Они сейчас дома.

– Вы живете в этом доме? – быстро уточнил полковник.

– Уже двадцать лет живу. А почему у меня отняли газеты?

– Это дом девять «а»?

– Нет, девять. Вот и ваш товарищ, у которого вы отобрали сумку, тоже так подумал...

Полковник сразу все понял. Дипломат перепутал подъезды. Он должен был войти в другой подъезд.

– Коля, быстро туда, – показал полковник на другой подъезд, – деньги находятся там. И связной там. Быстро возьми его, пока не ушел. Проверьте каждую квартиру, он может попытаться спрятаться от нас.

Полковник не увидел мелькнувшее в окне испуганное лицо. Связной действительно стоял у окна и видел, как сотрудники милиции и ФСБ, словно выросшие из-под земли, проводят операцию по захвату дипломата. Связной, человек лет сорока, снял кепку, вытер вспотевшую лысину. Взглянул на сумку, которую держал в руках. Если его сейчас с ней поймают, он пропал. Нужно решать. Нужно подумать, куда можно спрятать деньги. Спрятать так надежно, чтобы никто их не нашел.

Если пропадут деньги, ему оторвут голову. А если его арестуют с деньгами, то дадут по максимуму, на полный срок. Но даже тюрьма не спасет его от огромного долга. Перед домом стоит машина с его охранниками. Наверно, их уже взяли. Что делать? Связной смотрел по сторонам. Постучаться к кому-нибудь в квартиру и попросить спрятать сумку? Но в ней миллион долларов. Кому можно доверить такую сумку? Любой из жителей этого дома откроет сумку и увидит деньги. Если он дурак, то вызовет милицию, а если хитрый дурак, то оставит деньги себе. Что делать?

Он услышал, как в подъезд вбежали люди, и, повернувшись, ринулся наверх. Шестой этаж, седьмой, восьмой, девятый... Дальше бежать некуда. Выход на чердак закрыт, здесь висит большой замок. Связной оглянулся. Что делать? Куда спрятать деньги? Мусоропровод? Выбросить деньги в мусоропровод? Нет, нельзя, они просто пропадут. И вдруг его осенило...

Связной побежал на восьмой этаж. Возможно, у него еще есть немного времени. Преследователи стучатся в каждую квартиру, проверяя, нет ли там чужих. Здесь кабины лифта новой конструкции. Закрытая шахта. Раньше он работал в «Мослифте» инженером и знал, что кабина не опускается до конца. Между ее дном и фундаментом всегда есть небольшое свободное пространство в пол-этажа. Он вызвал кабину лифта на восьмой этаж. И когда створки кабины открылись, быстро нажал кнопку на девятой. Двери закрылись, и кабина пошла на девятый. Теперь нужно дождаться, когда они постучат в очередную дверь, чтобы шум открываемой двери заглушил звук падения.

Он положил палец левой руки на кнопку вызова кабины лифта. Затем раздвинул створки лифта. Ему пришлось применить некоторое усилие, чтобы хоть немного их раскрыть. Еще чуть-чуть, еще немного. Еще немного, даже если он сломает эти двери. Двери трещали, но не поддавались. Он вставил ногу. Кажется, достаточный зазор, чтобы постепенно протолкнуть сумку. Он начал заталкивать сумку в образовавшуюся щель. Еще немного, еще. Еще. Даже если несколько пачек денег порвется, то и тогда не страшно. Осталось еще немного. Преследователи проверяли квартиры, поднимаясь наверх, они уже на шестом этаже. Еще немного. Наконец сумка прошла. Он держит ее на весу, собираясь отпустить ногу. Теперь все в порядке. Сумка с деньгами упадет вниз, и он вызовет кабину лифта. Если до вечера никто сюда не залезет – а кому придет в голову лезть в пространство под кабиной, – то он сможет спокойно забрать свои деньги.

Он прислушался. Теперь нужно все рассчитать. Он втокнул сумку до конца и убрал ногу. Сумка с деньгами полетела вниз. Он мгновенно нажал кнопку вызова кабины лифта, чтобы заглушить шумом работающего мотора звук падения. И когда створки кабины лифта открылись на восьмом этаже, он улыбнулся, входя в кабину. Теперь все в порядке. В сорок второй квартире, около которой они должны были встретиться с дипломатом, жила обычная семья. С этой стороны его не достать. Дипломату назвали номер квартиры, чтобы он подошел туда и встретился со связным. Хорошо, что этот рассеянный дипломат перепутал подъезды, иначе их взяли бы обоих. Связной улыбался. У него есть алиби, если его спросят, то он скажет, что пришел навещать своего знакомого с девятого этажа. Это был инженер, который уехал работать в Германию месяц назад. Инженер раньше тоже работал в «Мослифте», и они действительно были шапочно знакомы. Его алиби разрабатывали умные люди, они предусмотрели все возможные варианты, кроме одного, – куда ему придется прятать деньги. Связной подумал, что его охранники будут сегодня давать показания против него. Но это будет уже не так страшно. Он исчезнет из города к вечеру, заберет деньги и исчезнет. Хотя если его охранники действительно арестованы... Он даже замер от этой мысли. Можно все списать на милицию. Сказать, что они отняли деньги и товар. Ведь дипломата уже арестовали. И тогда все деньги останутся ему. Рискованная игра? Конечно, рискованная, но если повезет, он станет миллионером. Ради таких денег можно и рискнуть.

Створки кабины лифта открылись на первом этаже. Здесь стояли двое молодых людей. Вид у них был строгий.

– Ваши документы, – сказал один из них.

– Вы здесь живете или пришли в гости? – спросил второй.

– Вот мои документы, – ответил связной, доставая паспорт, – и я приехал навестить друга, которого не оказалось дома.

Он с трудом сдерживал улыбку. Все получилось так здорово. Пусть попробуют что-нибудь доказать. Или найти спрятанные деньги!

– Вам придется немного задержаться, – сказал человек, проверявший его документы.

– Ладно, – согласился связной. Он все еще верил, что все может обойтись.

Но когда они вышли из подъезда, дипломат увидел связного и рванулся к нему, закричав на весь двор:

– Это ты меня предал, ты меня подставил. Скажи им, что я не виноват, это ты должен был заплатить деньги за товар.

Полковник усмехнулся. Он посмотрел на связного, и тот вдруг понял, что не сможет вырваться из цепких рук этого волкодава. И за деньгами ему придется вернуться лет через восемь-десять. Если вообще придется. Связной взглянул на полковника еще раз и, оттолкнув одного из офицеров, стоявших рядом с ним, побежал через весь двор.

– Стой! – раздались крики за его спиной. – Стой.

Он бежал, сознавая, что это его последний шанс. Связной успел заметить, что автомобиль, на котором он приехал, уже окружен людьми в штатском и форме. Оттуда вытаскивали его двух телохранителей, которые должны были обеспечивать безопасность связного и его денег. Связной бежал, уже понимая, что обречен.

– Стой, стрелять будем! – раздавалось со всех сторон.

Двор был окружен, уйти не было никакой возможности.

Он увидел пожарную лестницу и устремился к ней. Он знал, что можно уйти по крыше, нужно только использовать представившуюся возможность.

– Взять живым! – крикнул полковник.

Связной полез наверх, уже ни о чем не размышляя. Он даже не слышал сильных ударов своего сердца.

– Стоять! – крикнул кто-то еще раз, и пуля свистнула рядом с головой связного. Тот пригнулся, но упрямо лез выше.

– Хочет уйти по крышам, – сказал полковник, – перекрыть все выходы!

Двое офицеров поднимались следом за связным. Раздался еще один выстрел. Он оглянулся и увидел, как к нему поднимаются люди. А когда поднял голову, то понял, что не сможет никуда уйти. На крыше его уже ждали, там стоял кто-то посторонний. Связной огляделся. Нужно будет добраться до соседнего балкона на третьем этаже. Он повернулся и прыгнул на балкон. Но сказало напряжение погони, все эти крики, выстрелы за его спиной, долгий подъем. И он сорвался.

– Проклятье! – прошипел связной, попытавшись поднять левую руку, и разжал правую.

Он полетел вниз и ударился об асфальт всем телом. Голова откинулась назад, изо рта пошла кровь.

– Срочно в больницу! – приказал полковник. Он подумал, что это единственная осечка за весь день. Нужно будет проверить подъезд и узнать, у кого он оставил деньги. В конце концов главное они сделали. Вся партия товара перехвачена, дипломат задержан, а связной, если выживет, все равно расскажет, от кого и зачем он был послан.

Глава 2

– Дорогой, сколько у нас денег? – Каждое утро Денис Иванович Булочкин слышал этот вопрос Риты. И каждое утро он недовольно морщился, понимая, почему она спрашивает. Его картины продавались все хуже и хуже. В конце восьмидесятых, когда начался бум для художников-постмодернистов, он начал штамповать свои полотна, полагая, что спрос будет расти и расти.

Несколько лет все было нормально. В середине девяностых картины продавались уже по несколько тысяч долларов, и он чувствовал себя вполне обеспеченным человеком. Но после августа девяносто восьмого все рухнуло. Покупатели отказывались брать уже заказанные произведения, художественные галереи расторгали договора, а цены на краски росли неудержимо. Ему пришлось продать свою мастерскую, потом сменить квартиру, находившуюся на Осенней улице, и переехать в этот стандартный девятиэтажный дом. Однако на этом испытания Дениса Ивановича не закончились. Вернее сказать, только начались.

Ему пришлось брать халтуру, выполнять дипломные работы некоторых бездарных выпускников художественных училищ. Пришлось соглашаться малевать работы нуворишей, которые выставлялись затем на их банкетах и юбилеях. В общем, он соглашался на любую работу, даже помогал театральным художникам в небольших областных театрах разрисовывать задники и готовить декорации.

Но денег становилось все меньше и меньше. Он чувствовал, как силы покидают его. Иногда, усаживаясь за полотно, он представлял себе, что именно собирается написать. Но вместо задуманного появлялась лишь очередная халтура. Он стал уничтожать свои полотна. Глядя на то, что получалось, он понимал, что это не просто снижение уровня. Это было вообще за гранью искусства. Сказывалась халтурная работа в течение последних нескольких лет. Профессионал обязан работать на своем профессиональном уровне. Всегда и везде. Если он не работает или работает вполсилы, то перестает быть профессионалом.

В середине прошлого года он наконец получил небольшой заказ от монастыря, который попытался выполнить в строго реалистическом стиле. И хотя заказчики остались довольны его работой и хорошо заплатили, сам Булочкин знал, насколько халтурно все, что он сделал. Сделано все было без души, словно маляром, которого пригласили обвести контуры заранее нарисованных рисунков. Это было обидно и больно. Он начал чувствовать, что теряет нужный настрой. Тот самый кураж, который так важен для творчества. То самое чувство прекрасного, которое живет в душе каждого художника. И которое побуждает вновь и вновь стремиться к недостижимому идеалу. Чтобы увидеть разницу и отличить его прежние работы от нынешних, не нужно было иметь специального образования. Достаточно было иметь глаза и немного вкуса.

Но вскоре кончились и эти деньги. За неимением мастерской он в своей трехкомнатной квартире одновременно писал картины и жил, отчего постоянно случались скандалы. В квартире пахло красками, от которой у Риты развивалась аллергия. А из-за нехватки денег она особенно нервничала. Они жили с Ритой уже восемь лет и успели надоест друг другу. Но на расставание и тем более на развод ни у него, ни у нее не было ни денег, ни сил, ни возможностей. Пришлось бы снова делить квартиру, а это было практически единственное, что у них оставалось. Рита была раньше театральным критиком, но, решив переехать к Денису Ивановичу, она бросила своего второго мужа и заодно и свою прежнюю работу. За восемь лет она не написала ни одной статьи, ни одной рецензии, и, когда ее недавно попросили написать статью, она промучилась всю ночь, но не смогла сочинить ничего путного.

Так они и жили в одной квартире, не очень довольные друг другом, уже немолодые и, по существу, чужие друг другу люди. К Рите иногда приезжала ее дочь от первого брака. Девочке было уже четырнадцать лет, и она жила у бабушки. Девочка становилась свидетелем

их постоянных скандалов. Денис Иванович уходил рисовать к себе в кабинет, и запах красок распространялся по всему дому, вызывая очередные крики и проклятия Риты. Пока он еще немного зарабатывал, все было нормально, но, когда в доме не хватало денег, она уже не хотела мириться с этим постоянным запахом, казалось, вьевшимся в мебель и даже в стены.

Чтобы как-то перебиться, он даже продал свою старую машину и теперь ездил на метро. Его девятая модель «Жигулей» асфальтового цвета десять лет назад была мечтой всех автолюбителей, а теперь вызвала смех на базаре. Ему пришлось согласиться на жалкие гроши, которые ему заплатили за его любимицу. Денег хватило ровно на полтора месяца, сказались слишком большие долги.

А потом все началось заново. Приходилось занимать деньги у знакомых, перебиваться случайными заработками, выслушивать бесконечные упреки Риты. Он чувствовал, что теряет интерес к жизни, становится раздражительным и мнительным. Никогда раньше он не позволял себе выходить из дома небритым, а сейчас научился бриться раз в несколько дней, чтобы экономить на лезвиях.

Он даже старался подешевле купить сыр или колбасу. В некоторых районах на окраине города можно было очень дешево приобрести овощи, и он вставал затемно, чтобы прокатиться в метро и успеть отовариться до наступления рабочего дня, когда у магазинов вырастали очереди из вечно ворчливых старушек. Как только он появлялся в очереди, за его спиной постоянно раздавались крики недовольных старушек, громко негодующих, что такой молодой здоровый человек в хорошей светло-коричневой дубленке занимает место в очереди за дешевыми продуктами.

Дубленка оставалась от прежней жизни и была совсем не новой. А выглядела хорошо только потому, что он старался не ходить в ней под снегом и дождем. И иногда тайно подкрашивал некоторые места, придавая дубленке почти новый вид. Плащ у него к этому времени совсем прохудился, и он вынужден был носить короткую куртку, которую купил в девяностом году, когда был в туристической поездке в Голландии. Куртка была ему уже мала, но он стойчески надевал ее каждый раз, когда нужно было выйти из дома осенью и весной. Примерно с конца сентября и по конец марта он носил в Москве дубленку и выглядел совсем неплохо.

Сначала ему еще приходили приглашения на различные презентации, но он на них не ходил, и ему перестали присылать приглашения. Он не ходил не только потому, что ему было неинтересно смотреть на жующих бездельников, которые обсуждали творчество Малевича или Кандинского в перерывах между блинчиками и рыбными блюдами, но и потому, что ему было скучно смотреть на новые картины, которые он не любил и не понимал.

За последние три месяца он не заработал ни одного рубля. Дважды удавалось взять в долг у знакомых художников. Один одолжил пятьдесят долларов, другой дал триста рублей. Но разве это деньги? Нужно было собираться и снова выезжать куда-то в областные театры, чтобы сделать халтуру и привести домой хотя бы несколько тысяч рублей. К этому вторнику у них осталось дома около тысячи рублей. Нужно было заплатить за квартиру и как-то прокормиться еще две или три недели. Он надеялся, что после этого ему переведут деньги из Тулы, хотя их могли и не перевести вовремя. Нужно было отложить деньги на поездку в Нижний Новгород, куда его давно приглашали работать. В общем, нужно было иметь как минимум в несколько раз больше денег. Но их не было. И Булочкин не видел никаких перспектив. Продавать из дома вещи было последним делом. Машину он уже продал. В это утро Рита снова задала свой «фирменный» вопрос – спросила, сколько у них денег. Он обшарил все карманы и нашел сорок четыре рубля.

Когда он сообщил ей, сколько денег осталось дома, она устроила очередную истерику. Рита кричала, что он обрек их на голодную смерть, что она всегда подозревала его в бездарности. «Твои дерьмовые рисунки никому не были нужны! – орала она. – И еще ты весь день

сидишь дома, вместо того чтобы работать, как все нормальные люди. Почему ты не можешь устроиться маляром?» – бушевала Рита.

Денис Иванович обычно не ругался и не отвечал на ее упреки. Только поэтому они могли еще жить, не убивая друг друга. Он уходил в свою комнату, превращенную в мастерскую, и начинал работать. Рита сначала ругалась, потом плакала, потом врывалась в его комнату, иногда крушила что-нибудь или била посуду. А потом успокаивалась и звонила кому-нибудь из своих подруг. Это было ее любимой отдушиной. Она могла часами разговаривать со своими подругами, и Булочкин морщился, слыша, как она истерически хохочет, разговаривая по телефону. Слава богу, плата за телефон еще не была временной и она могла позволить себе говорить часами.

Рита тоже не любила куда-то выходить. Когда-то она была довольно симпатичной и энергичной женщиной. Но с годами потолстела, превратилась в необъятную бабу с визгливым голосом и некрашеными волосами, напоминавшими пакли у старой куклы. К тому же ей нравилось ходить дома в старых финках, которые остались еще от прежней жизни. Булочкин с ненавистью смотрел на ее толстый зад. Несмотря на внешнюю неопрятность, она все еще пробуждала в нем какие-то приятные воспоминания. Может быть, ее кустодиевские формы нравились Денису Ивановичу. Ведь он был еще совсем не стар, ему было только сорок шесть лет, и он чувствовал иногда необходимость разрядки. Как бы там ни было, они иногда занимались любовью. Правда, в последние годы это случалось нечасто. Один раз в месяц или два. После ее очередного скандала у него пропадало всякое желание, и они сутками не разговаривали.

Ему нравились супы в пакетиках, они так недорого стоили. Особенно польские супы. Он кипятил воду, высыпал туда содержимое одного пакетика и сверху бросал петрушку. На обертке было указано, сколько воды нужно на один пакетик, но он заливал всегда больше, чтобы растянуть одну порцию на целый день или на два, если удавалось приготовить яичницу или пожарить картошку. Иногда он жарил себе колбасу или сыр. В Грузии, где он любил бывать еще в восьмидесятые годы, ему всегда нравился жареный сыр. Но покупать сыр этого сорта было невозможно. И тогда он научился покупать и жарить обычный российский сыр самого низкого качества. Рита каждый раз кричала, что он хочет убить ее этим запахом. Но он продолжал упрямо жарить сыр. Иногда она вспоминала о своих обязанностях и что-то ему готовила, но это было редко, к тому же дома никогда не бывало масла. Гораздо легче было покупать готовую еду, например пельмени или макароны.

В последние месяцы он чувствовал боль в желудке и понимал, что нужно пойти и провериться. Но он страшился этого момента. Денис Иванович не сомневался, что у него обнаружат язву. Его отец умер от язвы в пятидесятилетнем возрасте, и он всегда боялся именно этой болезни. Но визит к врачам он упрямо откладывал, продолжая питаться как попало и всухомятку. В сорок шесть лет становилось понятным, что жизнь в общем-то кончена. Ему никогда не стать ни большим художником, ни просто обеспеченным человеком. Будущее было определено с неотвратимой ясностью. Еще двадцать или тридцать лет ему придется жить в этой квартире, придется соглашаться на халтуру, перебиваться случайными заработками, терпеть издевательства и придирки Риты.

«Хорошо, что у нас нет детей», – иногда кричала она, и он, в общем, был согласен с ней. Иначе ему пришлось бы гораздо сложнее. К тому же Рита при всех своих недостатках была все-таки понимающей женщиной, которая не просила денег на украшения, одежду, не требовала различных экзотических блюд или поездок на Канары. Она согласна была довольствоваться малым, лишь бы в доме был хоть какой-то достаток. Она всего лишь хотела некоторой стабильности, как любая женщина. Он сознавал, что с другой женщиной ему будет гораздо сложнее. И поэтому он терпеливо сносил присутствие Риты, успокаивая себя, что могло быть и гораздо хуже. К тому же она никуда не могла уйти. Ее дочь жила в Подмоскowie с бабушкой и сестрой Риты, которая не вышла замуж и всю свою нерастрченную любовь отдавала пле-

мяннице. Иногда удавалось выбраться к ним и даже вкусно пообедать, пробуя домашние разносолы. Но это случалось редко, и к тому же нужно было отправляться туда с Ритой, которая умудрялась испортить самый спокойный день.

Иногда он собирал старые газеты, которые сваливали внизу соседи. Старый телевизор до сих пор работал, и это было единственное место, около которого сохранялся «враждебный нейтралитет». Здесь они смотрели все вечерние передачи. Теперь он стал интересоваться политикой, даже иногда ходил голосовать. Раньше, когда его картины хорошо продавались, он не задумывался, почему большинство владельцев художественных салонов евреи. Теперь он начал подсчитывать, сколько процентов представителей этой нации владеют галереями в столице. Он составлял списки богатых банкиров, олигархов, главных редакторов, деятелей искусства и литературы и каждый раз, вписывая новую фамилию, радостно вскрикивал, как будто составление некоего заговора против талантливого живописца Булочкина было единственной целью всех живущих в столице евреев.

Одним словом, Денис Иванович жил обычной жизнью неудавшегося художника, перебиваясь случайными заработками и рассчитывая поправить свои дела в будущем. Он даже не мог предположить, что судьба уже приготовила его к испытанию...

В этот день он проснулся, как обычно, рано, в седьмом часу утра. За окнами было еще темно. Он был «жаворонком», а Рита была «совой», и это несколько скрашивало их жизнь. Он засыпал в десять и просыпался в шесть, а она засыпала в четыре и просыпалась в полдень. Спешить все равно было некуда. Деньги из Тулы все еще не пришли, а сегодня нужно было делать очередные покупки. Он поднялся, с отвращением посмотрев на громко храпевшую рядом Риту. «Наверно, этот храп у нее из-за лишнего веса», – недовольно подумал он. Денис Иванович прошел в ванную комнату. Зубная паста давно закончилась, и он чистил зубы мыльной водой. Он с отвращением посмотрел на себя в зеркало. Рыжеватые свалывшиеся волосы, явно наметившаяся лысина, крупный нос; мешки под глазами. Он даже не выглядел на свои сорок шесть. Из зеркала на него смотрел мужчина, которому можно было дать не только пятьдесят, но и все шестьдесят лет. Он выключил свет и вышел из ванной. Сегодня можно было обойтись без бритвы, он брился только два дня назад, а вообще он решил, что можно бриться раз в три дня. В темноте он задел ногой швабру, и она с грохотом упала на пол.

– Проснулся наконец, – сказала сквозь зубы Рита, повернувшись на другой бок.

– Мне кто-нибудь вчера звонил? – спросил он вместо приветствия. Они уже давно не говорили друг другу ненужных слов.

– Павел звонил, – сообщила она, не открывая глаз. – Я сказала, что ты уже спишь. Позвони ему.

– Подождет, – отмахнулся Денис Иванович. Павел Муженин был тем самым художником, который одолжил ему пятьдесят долларов еще месяц назад. «Наверно, потребует возратить долг, – огорченно подумал Булочкин, – нужно будет попросить, чтобы подождал». Когда переведут деньги из Тулы, хотя нет, оттуда переведут только четыре тысячи, и он не сможет отдать почти половину Павлу. Нужно, чтобы Павел подождал еще немного. А сколько немного? «Нет, получу деньги из Тулы и сразу уеду в Нижний Новгород. Иначе не смогу заработать и вернуть долги».

Он прошел на кухню. В холодильнике опять ничего не было.

– Где яйца? – крикнул Булочкин. – Вчера было два яйца. Где они?

Она не ответила. Он вернулся в спальню и толкнул жену в бок.

– Нету, – недовольно сказала Рита, открыв один глаз.

– Как это нету? – заволновался Денис Иванович. – Где яйца?

– Я приготовила себе вчера яичницу из одного.

– А второе? – крикнул он, выходя из спальни. Собственно, ему уже было все равно, но следовало покричать, хотя бы по инерции.

– Я сожгла яичницу и приготовила себе снова, – проворчала Рита. – Мне как раз позвонила Нюся. Отстань, Булочкин, дай мне поспать.

– Ну и дура, – приглушенно сказал Денис Иванович.

Непонятно было, к кому это относится, к Рите или к Нюсе. Хотя, наверно, относилось к обеим.

Больше всего на свете Дениса Ивановича раздражало, что она называет его по фамилии. Почему-то Рита никогда не называла его по имени. Он прошел на кухню и посмотрел в хлебницу. Там лежала надкусанная черствая булочка.

«Ну и черт с ней», – подумал Денис Иванович и, налив себе горячей воды, взял ложку кофе. Кофе был местный и подозрительно вонял, но на другой напиток у них не было денег.

Выпив свой суррогатный кофе и съев надкусанную булочку, он поднялся из-за стола. Настроение было паршивое. Он даже не знал, чем ему сегодня заниматься. Нужно все-таки позвонить Павлу. Он посмотрел на часы. Семь часов утра. Павел, наверно, еще спит. Ну и черт с ним. Пусть не спит. Если звонит сам в двенадцать часов ночи, прекрасно зная, что Денис Иванович засыпает в десять. Все равно неудобно.

«Нужно купить хлеба и картошки», – вспомнил Денис Иванович.

Он не любил ходить по городу днем, когда можно было встретить кого-то из знакомых. Гораздо лучше ходить за хлебом ранним утром, когда никого из знакомых художников не встретишь на улице. Большинство творческих людей обычно бывают «совами». И в его положении гораздо лучше выходить за хлебом ранним утром, когда все знакомые видят сны. Булочкин вздохнул и отправился одеваться. Погода была уже достаточно теплой, но март еще не закончился, и, значит, можно было надеть свою дубленку. Он натянул дубленку прямо на домашнюю замызганную водолазку. Затем взял ключи и вышел из дома. Так начался этот день его жизни. Но он еще не знал, что день этот – очень необычный.

Глава 3

Было еще темно, когда он вышел во двор. Его внимание привлек автомобиль милиции, стоявший у третьего подъезда. Денис Иванович увидел дворничиху, которая поднималась раньше всех, чтобы убрать двор. Во двор выходили подъезды сразу трех домов, и она всегда жаловалась Денису Ивановичу, что получает за этот двор, как за уборку одного дома, тогда как ей должны поднять оплату в три раза.

– Что случилось? – спросил Булочкин, обращаясь к Екатерине Васильевне.

– Вчера здесь человек разбился, – охотно объяснила она, – бегал по двору, залез на пожарную лестницу и упал с третьего этажа. Ну его, раненого, и увезли в больницу. И милиции было столько, понаехали отовсюду. Все квартиры вчера обыскали. Какой-то большой начальник приехал и приказал все квартиры посмотреть. Весь день искали, всех жильцов беспокоили. Вы разве вчера не слышали?

– Я работал и не прислушивался, – ответил Денис Иванович. Он уже хотел пройти дальше, когда она сказала:

– Весь день деньги искали. Говорят, мужчина какой-то бриллиант бросил, вот его и искали.

– Какой бриллиант, – махнул рукой Булочкин. – Что ему, делать нечего – с бриллиантом бегать?

– Бегал, – убежденно сказала Екатерина Васильевна, – вот они этот бриллиант и искали. Всех жильцов предупредили, что, значит, сумку ищут. Но ничего не нашли.

– Глупости какие, – вздохнул Денис Иванович, – совсем нечем заниматься нашей милиции. Лучше бы за порядком следили. По улицам ходить невозможно, всюду шпана, бандиты. Сколько воров везде! А они какой-то бриллиант ищут у психа. И почему в сумке?

– Он его туда спрятал, – убежденно сказала дворничиха. – Только я думаю, что они ничего не найдут.

– Почему не найдут? – усмехнулся Булочкин.

– Сами милиционеры и забрали. – Она оглянулась на машину, в которой дремали двое сотрудников. – Вот они и унесли сумку с бриллиантом. А людей понапрасну беспокоят.

– Может быть. – Он повернулся и пошел в сторону магазина. Потом обернулся и посмотрел на подъезд. Неужели действительно кто-то потерял там бриллиант? Откуда он был у неизвестного? И зачем ему прятать его в сумку? Хотя какая ему разница, ему надо купить хлеба – только и всего.

Денис Иванович любил читать детективы. В последнее время ему не приходилось покупать новые книги, но раньше он любил читать различные захватывающие сюжеты. «Кто найдет бриллиант, наверно, получит двадцать пять процентов от его стоимости, – подумал он. – Где-то я читал, что награда нашедшему составляет двадцать пять процентов. О чем я говорю? Какие там проценты, кто мне их даст? Ну а вдруг дадут? Может, все-таки вернуться? Нет. Не нужно думать о глупостях». Он повернулся и пошел в сторону хлебного магазина, который находился на другой улице, за углом. Магазин открывался в семь часов утра, и Денис Иванович всегда появлялся там раньше других. Несколько женщин стояли в очереди. Подъехал автофургон с хлебом, и его как раз выгружали. Купив полбуханки черного хлеба и две булочки, Денис Иванович вышел из магазина. На улице неожиданно начался дождь. Нужно быстро добежать до дома, иначе его «нарисованная дубленка» просто поплывет. Он поднял пластиковый пакет над головой, собираясь добежать до своего дома, когда неожиданно услышал за спиной чей-то голос:

– Денис!

Булочкин обернулся. Рядом с новеньким «Ниссаном» стоял его давний знакомый Вячеслав Орехов.

– Слава! – Он бросился к другу, обнимая его.

– Где ты пропадаешь? – спросил Орехов. – Мы с тобой не виделись уже столько лет. Я звонил тебе по старым номерам, но мне сказали, что ты давно съехал. И на даче я тебя не нашел. Ты давно продал дачу?

– Несколько лет назад, – объяснил Денис Иванович.

– А почему в таком виде? – удивился Орехов. – Небритый, заросший какой-то. Ты работаешь над большой картиной? У тебя здесь мастерская?

– Да, – сказал Денис Иванович, – здесь недалеко.

– Где ты живешь? – спросил Орехов. – Куда ты переехал? Я и в Союзе художников спрашивал, и в галерее у Саша Фельдмана... Никто не знает, куда ты исчез.

– Работаю, – попытался улыбнуться Денис Иванович, но улыбка получилась жалкая.

– Надя, – позвал кого-то из машины Орехов, – посмотри, это Денис Булочкин, я тебе про него рассказывал. У тебя есть его картина.

Из машины выглянула женщина лет тридцати пяти, с короткими светлыми волосами. Она сидела на заднем сиденье. На ней была короткая замшевая куртка фиолетового цвета, темные брюки, полусапожки. Она взглянула на Дениса Ивановича. В отличие от его друга она все сразу поняла. Женщины могут видеть гораздо лучше мужчин. Они обладают более объемным зрением, обращая внимание на различные детали. Знакомая Орехова заметила многое. И помятую, стертую обувь, и грязную старую дубленку, на которой были видны закрашенные пятна, и его мятые брюки.

– Здравствуйте, – вежливо сказала она.

– Доброе утро, – кивнул Денис Иванович. Он видел, с каким пренебрежением она на него смотрит.

– Надя, ты помнишь, я тебе про него рассказывал.

Орехов хлопал по плечу своего друга, а Булочкин думал, что нужно быстрее уходить, чтобы не стоять так долго под дождем.

– А я только что прилетел из Лос-Анджелеса, – рассмеялся Орехов, – там у Шуры Муселевича была такая выставка. Мы у него сидели, тебя вспоминали. Шура говорит, что без твоей поддержки он бы никогда не стал художником. Очень по тебе скучал, говорит, что не может найти тебя уже несколько лет.

– Да, – кивнул Денис Иванович, – мы давно не виделись с Шурой. Как он там живет?

– Неплохо устроился. Женится. У него прекрасный сын. Такой маленький Муселевич. А как у тебя дела? У вас, наверно, с Ритой уже двое или трое?

Денис Иванович пробормотал нечто невразумительное. Впрочем, Орехов был слишком занят собой и взволнован неожиданной встречей, чтобы обратить внимание на такие детали.

– Ты меня извини, Славик, я должен идти работать, – пробормотал Денис Иванович.

– Конечно, конечно, – кивнул Орехов, – как тебя найти? У тебя есть телефон?

– Есть, – промямлил Булочкин, – мы только переехали... Вот здесь

– Он начал шарить в карманах дубленки. Ему не хотелось давать номер своего телефона Орехову. Зачем ему знать, что нет больше художника Булочкина, остался лишь халтурщик Денис Иванович, который уже ни на что не годится. Дождь усиливался, и он занервничал.

– Я тебе позвоню, – сказал он. – Дай твой телефон.

– Вот моя визитная карточка, – протянул ему карточку Орехов, – позвони обязательно. Если сможешь оторваться от работы, приходи сегодня в семь часов вечера к Саше Фельдману. Там будет выставка моих картин. Я тебя прошу, приходи обязательно.

Лос-Анджелес, выставка картин, такая роскошная женщина, новый «Ниссан» с водителем... Булочкину стало грустно. Орехов жил в другом мире и не знал его проблем. «Может,

попросить у него сто долларов?» – вдруг подумал Денис Иванович. Ведь наверняка даст. Они столько вместе выпили. Он уже хотел попросить денег, но внезапно увидел, с каким презрением смотрит на него сидевшая в автомобиле женщина. Он проследил ее взгляд. Она наверняка заметила самую большую дыру на спине. Черт возьми, нужно уходить.

– Ты меня извини, – еще раз сказал он, – я из мастерской выбежал, старую дубленку набросил, за хлебом побежал. В общем, ты меня прости, я должен идти.

– Будь здоров. Хотя подожди, подожди одну минуту. Надя, дай мне оттуда бутылку. Да нет, другую, вот эту, высокую.

Женщина явно нехотя протянула ему бутылку из пластикового пакета. Очевидно, Орехов делал свои покупки в магазинах беспрошальной торговли. Он схватил бутылку и протянул ее Денису Ивановичу.

– Держи, – сказал он, улыбаясь, – сувенир из Америки. Настоящее американское виски.

Он сел в машину, на заднее сиденье рядом с женщиной, которая обиженно отвернулась. Орехов помахал рукой, и машина тронулась. Денис Иванович остался стоять с бутылкой в руках. Потом посмотрел на бутылку. Он уже давно не пил. В отличие от всех остальных он, во-первых, очень боялся язвенной болезни и никогда не злоупотреблял спиртным, да к тому же у него просто не было денег на подобные шалости. Иногда он покупал пиво, но в последние месяцы и это случалось все реже и реже.

Денис Иванович положил бутылку в пакет и медленно пошел к дому. Дождь шел все сильнее, и его дубленка потекла окончательно. «Придется красить ее еще раз», – отрешенно подумал Булочкин. А в это время Орехов восторженно говорил своей спутнице:

– Ты даже не представляешь, какой это человек. Он был самым талантливым на нашем курсе.

– Ты видел его лицо? – спросила женщина. – И его нечищенные туфли? И его рваную старую дубленку? Он, по-моему, бомж. А ты, как обычно, ничего не замечаешь.

– Да при чем тут его дубленка или обувь?! – засмеялся Орехов. Он хорошо выпался в самолете, и у него было прекрасное настроение. – Надя, как ты не понимаешь! Он очень талантливый человек, а такие люди не обращают внимания на быт. Неужели тебе это непонятно?

– Я только видела, что он нищий и ничтожный человек! – в сердцах сказала Надя. – Впрочем, тебе лучше знать. А почему он не дал тебе своего телефона?

– Он же объяснил, что только недавно переехал, – ответил Орехов.

– Ну да. И не помнит номера своего телефона. Наивный ты человек, Орехов. Хочешь поспорим, что сегодня он не придет к Саше на твою выставку?

– Придет обязательно, – не очень уверенно сказал Орехов.

– Давай поспорим, – предложила она, – на американку. На одно желание. Согласен?

– Я и так выполняю все твои желания, – рассмеялся Орехов, – поэтому я в любом случае не проиграю. Конечно, согласен!

Денис Иванович подошел к своему дому. Он еще раз достал бутылку и посмотрел. «Может быть, сдать ее куда-нибудь в магазин? – подумал он. – Зачем мне эта дорогая? Чтобы напиться? У меня и так в последние месяцы желудок болит все сильнее и сильнее. Не хочу я этого виски. А куда мне его деть? В магазин не возьмут. Алкаши дадут рублей десять. Нет, так дело не пойдет. Вот здесь этикетка. Ого. Эта бутылка стоит тридцать два доллара. Это сколько же рублей? Около тысячи. Ну да, если будет еще одна тысяча, могу сразу уехать в Нижний Новгород. Нужно оставить хотя бы тысячу Рите».

Он вдруг вспомнил, что в третьем подъезде живет инженер, который часто выезжает за границу. Однажды он купил у Дениса Ивановича бутылку старого коньяка, которая у него оставалась. Лучше продать эту бутылку тому инженеру. Дубленка, конечно, намочла, и ее придется снова красить. Или выбросить. Ну и черт с ней! Он прошел мимо автомобиля с двумя дремав-

шими сотрудниками милиции и вошел в подъезд. Сверху уже спускались ребята, спешившие в школу. Он пропустил молодую женщину с девочкой, поднимаясь наверх. И услышал чей-то крик.

Денис Иванович поднял голову. Сверху кричал молодой человек, с которым он был лично знаком. Это был оператор, работавший в театре, где Булочкин иногда помогал главному художнику.

– Что случилось, Виталий? – спросил Денис Иванович, обращаясь к молодому человеку, кричавшему на своего сына, сбегавшего вниз.

– Стервец! – еще раз крикнул отец.

Мальчишка пробежал мимо Булочкина, испуганно оглядываясь.

– Только вернись домой, – погрозил ему отец.

– Что он натворил? – улыбнулся Денис Иванович.

– Ключи выронил, мерзавец такой. Игрался со створками лифта на нашем этаже и выронил ключи. Послушайте, Денис Иванович, вы не можете мне? Я подниму кабину наверх и буду ее держать на тросе. А вы на первом этаже створки лифта откройте и ключи заберите. Там нетрудно, только спрыгнуть и ключи забрать. Я электричество отключу, вы не беспокойтесь.

Денис Иванович посмотрел на часы. Было уже половина восьмого. Но Рита все равно спит, и ему торопиться некуда. И вообще он не привык отказывать людям.

– Хорошо, – согласился он. – Подними кабину лифта, я достану ключи. Давай быстрее, а то сейчас все в школу торопят, чтобы ребятишек не задерживать.

– За минуту управимся, – пообещал оператор. – У меня и ключ есть от чердака.

Он побежал наверх; а Денис Иванович начал спускаться. Только на первом этаже он вспомнил про бутылку. «Нужно было спросить про соседа», – подумал он. Но оператор уже поднимал кабину лифта. Денис Иванович, открыв створки на первом этаже, заглянул вниз. Отсюда ничего не было видно. Он снял дубленку, положил рядом пакет с хлебом, булочками и бутылкой виски. После чего спрыгнул вниз и наклонился. Здесь было много всякого мусора. «Удивительно, как люди не думают об этом», – раздраженно подумал Денис Иванович. Столько вещей набросали. В углу темнел какой-то крупный предмет. «Неужели бросили труп кошки или собаки? – поморщился Булочкин, заранее готовя себя к неприятному запаху. – Какая гадость! Хотя на труп не похоже, иначе здесь стояла бы вонь». Он присмотрелся, пытаясь увидеть блеск металла. А вот и ключи. Он наклонился, забирая ключи. Скорее выбраться отсюда. Но что это за сумка там лежит? Откуда она взялась?

Он обернулся и присмотрелся к темному предмету. Ничего не видно. В дальнем углу было слишком темно. Он протянул руку, опасаясь наткнуться на нечто липкое или слизкое и нащупал сумку. «Странно, – подумал Денис Иванович, – откуда здесь сумка?» Он совсем забыл о Екатерине Васильевне, которая рассказала ему о выброшенной сумке.

«Наверно, бросили мальчишки», – подумал он и потянул сумку к себе. К его удивлению, она оказалась тяжелой. Он поднял сумку. «Наверно, с учебниками, – решил Денис Иванович. – Это нужно придумать – туда выбросить свою сумку. Обязательно расскажу все отцу мальчика». Он положил сумку на пол и вылез на первый этаж. Проходившая мимо него пожилая женщина поинтересовалась:

– Скажите, товарищ слесарь, у нас сегодня будет работать лифт?

– Обязательно будет. – Он не обиделся на слесаря, в конце концов, что здесь обидного? Любая профессия должна быть уважаема, а он уже давно выглядит не как художник. Хотя, наверно, все несчастные художники выглядели одинаково. За исключением Ван Гога, который умудрился отрезать себе ухо.

Денис Иванович постучал по кабине лифта, давая понять Виталию, что можно включать электричество. Затем переложил дубленку на сумку. Начал стряхивать с себя пыль и паутину, когда к нему спустился оператор. К этому времени лифт уже работал.

– Твои ключи, Виталик, – протянул ключи Денис Иванович.

– Спасибо, – обрадовался оператор, – а то пойдем ко мне, немного примем. Грамм по сто. У меня как раз есть беленькая.

«Это вместо благодарности», – подумал Булочкин.

– Нет, спасибо, – сказал он вслух. – Слушай, Виталий, твой сын только ключи выбросил? Или свою сумку с учебниками тоже?

– У него нет сумки. Я ему ранец купил. Такой светящийся, чтобы в темноте был виден. По утрам он в школу ходит, а этот ранец как раз издали светится. И любой водитель видит. Классная вещь. Может, зайдете ко мне?

– Спасибо, я лучше домой пойду. И вообще пить с утра – это очень дурная примета. – Денис Иванович собрал свои вещи, поднял дубленку, обнаружив под ней сумку.

– До свидания. Вы мне очень помогли, – побежал по лестнице наверх Виталий.

– Подожди, – крикнул ему Денис Иванович, – чья это сумка? Я ее достал снизу. Ты не знаешь, чья там была сумка? Кто ее выбросил? Кажется, с учебниками?

– Не знаю, – махнул рукой Виталий, – оставьте где-нибудь на скамейке. Кому нужно, заберут. У нас в доме почти у всех дети в школе учатся. До свидания.

Денис Иванович поднял сумку еще раз. Она была тяжелой. Нет, ее нельзя здесь оставлять. Он взял сумку в левую руку, набросил дубленку на эту руку и вышел из подъезда, держа в правой руке свой пластиковый пакет.

– Кто это? – спросил один из сотрудников милиции, сидевший рядом с участковым. Он лениво открыл глаза, увидев выходящего человека.

– Художник, – ответил заспанный участковый, – ничего особенного. Я его знаю. У нас в этом доме нормальные люди живут. Нет здесь ваших бандитов и никогда не было. А деньги вам лучше в другом месте искать.

– Приказано сидеть, – возразил офицер, – будем смотреть. Может, кто-нибудь появится. Полковник убежден, что деньги связной в блоке спрятал.

– Мы весь дом обыскали, – напомнил участковый, – всех посмотрели. Там обычные рабочие люди живут. Пьют, правда, иногда, один водитель недавно из зоны вернулся, в пьяном состоянии на киоск наехал. Но бандитов на моем участке нет. Это я точно знаю.

– Все равно будем сидеть, – возразил офицер. – Раз приказали, значит, будем сидеть сколько нужно.

Денис Иванович подошел к своему подъезду, сел на скамейку. Положил сумку рядом с собой. Дубленка была в отвратительном виде. Дождь уже перестал, и на небе показалось солнце. В этом году вообще была теплая весна. Денис Иванович снова достал бутылку. Нужно было предложить ее этому оператору. Он, кажется, любитель выпить. Хотя откуда у Виталия такие деньги? Тысяча рублей за бутылку. Или почти тысяча. Он бы, конечно, не стал покупать. Да и никто бы не купил. Ну за полсотни, может, возьмут, не больше. И вообще ему лучше идти домой и не позориться. Он положил бутылку обратно в пакет. «Напьюсь, – подумал Денис Иванович. – Надоело все к чертовой матери. Выпью, может, станет легче. Хотя, наверно, не станет». Он поднялся, забрал дубленку и свой пластиковый пакет и пошел в свой подъезд.

– Денис Иванович, – позвала его Екатерина Васильевна, – вы свою сумку на скамейке оставили.

Он хотел сказать, что эта сумка не его, но подумал, что неудобно так говорить. Получилось, что он специально оставил сумку, чтобы ее выбросила Екатерина Васильевна.

– Забыл, – улыбнулся он, забирая сумку. И вошел в подъезд. Он всегда поднимался пешком по лестнице, не пользуясь лифтом. Да и зачем пользоваться лифтом, поднимаясь на третий этаж? Он добрался до своего этажа и вспомнил про сумку. И зачем ему сумка с детскими учебниками? Наверно, случайно туда упала. Какой-нибудь ребенок сейчас переживает. Говорят, что учебники должны выдаваться бесплатно, но их на всех не хватает. И поэтому многие

родители вынуждены покупать свои учебники у спекулянтов, переплачивая втридорога. Нет, так нельзя. Он должен посмотреть, какие это учебники, и вернуть их тому, кто в них нуждается. Денис Иванович сел на лестницу и раскрыл сумку.

Глава 4

В первый момент он не понял, что именно лежит в этой сумке. Нет, он, конечно, видел раньше доллары и даже иногда получал такие бумажки за свои картины. Но он никогда не видел пачки стодолларовых купюр. Он их просто не мог видеть в таком количестве. Денис Иванович достал одну пачку, перегнул купюры. Бумажная обертка лопнула. Это были доллары. Он почему-то поднял одну бумажку на просвет. Все как положено. Лицо президента, магнитная полоса. Неужели это настоящие деньги? Он воровато оглянулся по сторонам и засунул одну бумажку себе в карман. Потом, подумав немного, вытащил и положил ее обратно в сумку. И вдруг начал смеяться.

Глупо прятать одну бумажку. Но откуда там могло оказаться столько денег? Ведь ему говорили про бриллиант. Наверно, Екатерина Васильевна перепутала. Она слышала про ценности в сумке, но считала, что это бриллианты, а не деньги. Какая сумма! Откуда здесь столько денег?

Нужно их пересчитать. Нет, здесь нельзя доставать деньги. Нужно отнести их домой. А если кто-нибудь видел, как он уносил сумку? И сотрудники милиции его видели, он точно помнит, что они на него смотрели и переговаривались. Но почему они его не остановили? Ах да, верно. Он взял сумку и на эту руку накинуд дубленку. Получалось, что они не могли видеть сумку у него в руках. Но если они не видели, то могут спросить у Виталия. А он наверняка вспомнит, откуда именно Денис Иванович достал сумку. Наверно, нужно сдать деньги в милицию. Но, с другой стороны, Екатерина Васильевна говорила, что это бандитские деньги. Значит, они не государственные. Оставаться и сидеть здесь долго нельзя. Что же ему делать с этой кучей денег?

Он еще раз достал открытую пачку. Некоторые бумажки провалились в глубь сумки, и он вдруг испугался, что в пачке не будет ровно сто бумажек. Хотя чего он боится, они все равно все здесь. Он задумался. А вдруг эти деньги фальшивые? Тогда нужно их просто выбросить. Никто не поверит, что он их случайно нашел. Сверху кто-то спускался. Денис Иванович испуганно поднялся, схватил сумку с деньгами, потом взял дубленку, свой пластиковый пакет и поспешил вниз.

Выйдя из подъезда, он повернулся спиной к милицейскому автомобилю и пошел к выходу со двора. На улице он немного успокоился. Нужно что-то делать. Нельзя стоять на улице с такой суммой денег. Но куда ему поехать? Сначала нужно где-то спрятаться и пересчитать все деньги. Здесь рядом нет нигде обменного пункта, чтобы проверить деньги. Нужно идти за три квартала. Но по улице с такой сумкой лучше не ходить.

Он посмотрел по сторонам. Мимо шла машина. Денис Иванович поднял руку, но автомобиль, даже не затормозив, поехал дальше. Булочкин обернулся. Со двора выходили соседи, спешившие на работу. Многие были с детьми. Стоять здесь утром и ловить машину на глазах у всех ему было как-то непривычно. Он взял сумку в левую руку, снова накинуд на нее свою дубленку и в грязной одежде, в своих мятых брюках и водолазке пошел к обменному пункту. Некоторые прохожие на него оборачивались, и ему было стыдно, что он шагает в таком затрапезном виде. К тому же пребывание в шахте лифта также сказалось на его внешнем виде – на спине налипли обрывки паутины.

Он уже подходил к обменному пункту, увидев вывеску еще за несколько десятков метров, когда кто-то приказал ему остановиться. Денис Иванович похолодел и оглянулся. Перед ним стоял сержант милиции в форме.

– Извините, – сказал сержант, строго глядя на него, – ваши документы?

– Что я сделал? – спросил Денис Иванович.

– Ничего, – удивился сержант, – я только хочу посмотреть ваши документы. В киоске на соседней улице разбили стекло и украли несколько бутылок водки. Вот я и хочу проверить ваши документы. А что у вас в пакетах?

– В этом хлеб и виски. – Он достал бутылку, показывая сержанту. Тот поднял бутылку, посмотрел этикетку, потом взглянул на стоявшего перед ним человека.

– И это ваша бутылка? – уточнил сержант. – Покажите ваши документы, или пройдем со мной в участок.

Денис Иванович вздохнул. Обменный пункт был так близко.

– Я вам все расскажу, – взволнованно сказал он.

– Обязательно, – кивнул сержант, – только покажите ваши документы.

– Документы? – Он вдруг вспомнил, что во внутреннем кармане дубленки должны находиться паспорт и его членская книжка Союза художников.

Поставив сумку и пакет на асфальт, рядом с собой, он достал из дубленки паспорт и красную корочку удостоверения, протягивая их сержанту.

– Значит, вы художник, – понял сержант, внимательно изучив сначала паспорт, а затем и членский билет. – Ну так и нужно было сразу говорить. А я думал, что вы... Извините, товарищ Булочкин. Можете идти.

Забрав сумку с пакетом, он зашагал к обменному пункту уже более уверенно. В окошечке увидел молодую женщину. Денис Иванович протянул ей сто долларов.

– Разменяйте, пожалуйста, – попросил он, протягивая купюру.

– Дайте ваш паспорт, – строго сказала она.

Он протянул паспорт. Она мельком взглянула на документ и затем сунула стодолларовую купюру под какую-то темную машинку. Денис Иванович ждал с замиранием сердца. Она убрала купюру, отсчитала деньги и протянула их Денису Ивановичу.

– Две тысячи восемьсот пятьдесят рублей, – сказала молодая женщина. – Вам нужна справка?

– Нет. – Он взял деньги, ошалело глядя на эти бумажки. И отошел от обменного пункта. На часах было около восьми. «Нужно поехать домой», – подумал Денис Иванович. Но поехать домой означает подвергнуть ненужному риску Риту. Кроме того, где он сможет прятать такую сумму денег? Нет, он не может ехать домой. Второй раз ему не пройти незамеченным перед сотрудниками милиции. Он смотрел на деньги и не знал, что ему делать.

Он медленно прошел дальше и сел на каменный бордюр, растерянно глядя перед собой. Мимо прошел сержант, улыбнувшийся ему. Денис Иванович сидел и думал, что ему делать. Если бы он нашел триста долларов или четыреста, тогда было бы совсем другое дело. Но такая сумма! Он даже приблизительно не знает, сколько там денег. Наверно, нужно куда-нибудь поехать и пересчитать деньги. Запереться где-нибудь в туалете и пересчитать. Но почему в туалете? Может, ему снять комнату? Или квартиру?

Денис Иванович достал носовой платок и вытер лицо. «Нужно было побриться», – с нарастающим раздражением подумал он. Что ему делать с такой суммой денег? Куда ему деться? Он снова посмотрел на сумку. Нужно решать. Может, пойти в театр, где он помогал в оформлении сцены? Они всегда предоставляли ему маленькую комнату рядом с гримерной. Но как он объяснит, зачем появился в театре? Нужно где-нибудь спрятаться. Можно поехать в любую гостиницу и снять номер. Он так и сделает. Денис Иванович решительно поднялся, но затем снова сел. Нет, так нельзя. Он не может явиться в гостиницу в таком виде. Они ему дадут номер и сразу вызовут милицию. Нет, нельзя ехать в таком виде.

Значит, ему нужно сначала поехать в магазин и переодеться. В магазине ему дадут одежду, а уже затем он поедет в гостиницу. Он вспомнил, что, когда получал деньги за свои картины, они с Ритой ездили в Петровский пассаж. И еще один дорогой магазин был около

гостиницы «Украина». Как он назывался? Нет, не вспомнить. И еще был «Ирландский дом» на Арбате. Может, лучше сразу поехать в Петровский пассаж, если тот еще не закрылся...

Денис Иванович решительно поднялся и, забрав свои вещи, направился к проезжей части. Ему пришлось ждать минут двадцать, пока наконец не остановилось старая «Волга», переделанная в такси.

– Куда поедет? – спросил таксист, у которого не было трех зубов впереди.

– В центр, – сказал Денис Иванович, – к Петровскому пассажи.

– Дорогое место, – скептически сказал таксист, не приглашая его сесть, – и далеко ехать.

Меньше сотни не возьму.

– Сколько? – изумился Денис Иванович. Он уже давно не платил такие деньги за проезд на такси.

– Не хочешь, не надо, – лениво сказал таксист, – я по-божески беру. Только три с половиной доллара. В Америке такие деньги на чай дают. А еще в Петровский пассаж хочешь поехать. Миллионер чертов.

– Не нужно в Петровский пассаж, – согласился Денис Иванович. – Давайте лучше куда-нибудь поближе. В какой-нибудь универмаг.

– Так бы сразу и сказал. Полсотни с тебя, и отвезу куда хочешь. Садись.

Денис Иванович сел в машину, и они поехали в универмаг. Это был обычный универмаг, в котором продавали китайский, польский и турецкий ширпотреб. На две с половиной тысячи рублей он купил себе крепкие ботинки, темный костюм, светлую рубашку в полоску. Все свои старые вещи он сложил в большую сумку, которую купил за двести рублей в универмаге. Туда же он положил и сумку с деньгами, и свою дубленку, завернув ее в пластиковый пакет. Сумка была большой и матерчатой. Денис Иванович не знал, что такая сумка на турецком рынке в Стамбуле стоит около трех долларов. А попадая в Москву, она становится дороже в несколько раз.

Он вышел на улицу. Теперь следовало где-нибудь снять номер и немного успокоиться. Он понимал, что ему не стоит отправляться в дорогой отель. И поэтому отправился в обычную гостиницу, куда однажды ездил к знакомым художникам, приезжавшим из Челябинска. Гостиница находилась рядом с аэровокзалом.

Ему пришлось разменять и вторую бумажку, чтобы снять комнату. Сидя на постели, он высыпал деньги и тщательно все пересчитал. Здесь было ровно сто пачек. Денис Иванович смотрел на деньги и не мог понять, что ему с ними делать.

Примерно в это время в разных местах Москвы еще несколько человек думали об этих деньгах. Люди, пославшие связного, пытались понять, куда делись их деньги. Связной лежал в больнице без сознания, и рядом с ним дежурили сотрудники милиции.

Люди, пославшие дипломата, были в еще большем затруднении. Сотрудники ФСБ проводили дознание, а дипломат оказался слишком разговорчивым. К тому же выяснилось, что официальный Душанбе готов снять дипломатическую неприкосновенность со своего сотрудника, виновного в таком тяжком преступлении.

Но более всех чувствовал себя обманутым полковник, который не мог понять, куда могли испариться деньги. Он вызвал лучших сотрудников ФСБ и МВД, которые проверили каждую квартиру третьего подъезда. Даже две квартиры, в которых не было жильцов, тоже были вскрыты и проверены. Но денег нигде не нашли. Полковник чувствовал себя не просто обманутым, он был в ярости. Такого в его жизни еще не случалось. Миллион долларов испарился. Никто не мог объяснить, куда делись деньги. Связной все еще не приходил в сознание, а выставленное наблюдение перед подъездом не давало никаких результатов.

По полученным агентурным сведениям, полковник точно знал, что на встречу с дипломатом связной должен был принести деньги. Много денег. По подсчету его специалистов, захва-

ченные наркотики стоили более миллиона долларов. Это не хлипкая пачка, которую, если возникнет опасность, можно просто выбросить или уничтожить. Двое охранников связного, которые находились в автомобиле, припаркованном у дома, подтвердили, что связной ушел с небольшой сумкой в руках. Но куда могла деться эта сумка? Из дома никто не выходил, в этом полковник был уверен. Они проверили все квартиры, всех жильцов дома. Предположить, что деньги были спрятаны у кого-нибудь в квартире, означало согласиться, что их заранее провели. Полковник был опытным профессионалом и понимал, что такую сумму денег связной просто не имеет права никому доверять. И уж тем более прятать в обычной квартире.

Вчера они задействовали даже служебную собаку, специально выдрессированную на обнаружение большой суммы денег. Специфический запах новой бумаги и типографской краски собака должна была почувствовать даже в тайнике. Но ничего обнаружить не удалось, если не считать пятисот долларов, найденных у главного инженера одного комбината, который прятал деньги под телевизором от собственной супруги.

Допрошенный дипломат не знал, куда могли исчезнуть деньги. Дипломат отказывался называть имена людей, которым он должен был передать деньги. Он сообразил, что официальный Душанбе все равно от него откажется и готов будет снять дипломатическую неприкосновенность. И если перед властями собственной страны и перед законом другой страны, который он нарушил, дипломат еще надеялся оправдаться, то уйти от возмездия за совершенное предательство он наверняка бы не сумел. Дипломат понимал, что не может называть имена, иначе его найдут даже в самой охраняемой тюремной камере. Он и так провалил операцию, стоившую миллион долларов. Выдавать теперь пославших его людей означало подписать смертный приговор самому себе.

Денис Иванович закончил считать деньги и тяжело вздохнул. Теперь следовало подумать, что с ними делать. Спрятать их где-нибудь и затем потихоньку тратить было невозможно. Пришлось бы объяснять Рите, откуда в доме появились деньги. К тому же наверняка соседи обратили бы внимание на то, что их дела пошли на поправку, чему объяснений не нашлось бы. Что ему делать? Плотные пачки долларов лежали перед ним. Их у него могли отобрать. Его могли ограбить, обокрасть. Нужно срочно превратить хотя бы часть денег в недвижимость, купить какие-нибудь ценности.

«Нужно что-то делать, – подумал Денис Иванович, – нужно решать. Нельзя сидеть и просто ждать, когда меня обнаружат. Но с чего же начать?»

Видимо, с переезда в другой отель. Сейчас он уже знает, сколько у него денег, и он должен переехать куда-нибудь в другой отель, более дорогой, чтобы иметь возможность начать тратить деньги.

Он подсел к телефону и набрал номер дежурного.

– Вы можете назвать мне лучшие отели в Москве? – спросил Денис Иванович.

– Самый лучший отель у нас, – ответила наглая дежурная. – Вам нужны девочки? Вам скучно одному?

– Нет-нет, я только хотел узнать, какие гостиницы в Москве сейчас считают самыми лучшими? Это нужно для моего друга-иностранца. Раньше были «Москва», «Россия», на ВДНХ, кажется, была очень дорогая гостиница «Космос». Сейчас они остались?

– Они не дорогие, – рассмеялась дежурная. – Это гостиницы для обычных людей. Сейчас они совсем не дорогие.

– А для необычных?

– Для необычных есть «Марко Поло», «Рэдиссон-Славянская», «Метрополь». Самый дорогой отель сейчас в Москве – это «Балчуг-Кемпински». Напротив Кремля, на другой стороне реки.

– Спасибо за информацию.

Он положил телефон и начал набирать номер справочной. Через некоторое время он узнал номер отеля «Балчуг» и позвонил в службу размещения. Но здесь его постигла первая неудача. Выяснилось, что номер нельзя заказать просто так. Нужна была кредитная карточка. Он разочарованно положил трубку. И в этот момент в дверь постучали. Булочкин испуганно оглянулся, посмотрел на деньги. Собрать пачки денег он все равно не успеет. В дверь постучали еще раз. Он схватил одеяло и набросил его на деньги. Потом подошел к двери.

– Кто там? – испуганно спросил Денис Иванович.

– Свои, – раздался насмешливый женский голос, – открывай, не бойся.

Он оглянулся на кровать, где лежали накрытые одеялом деньги. И открыл дверь. На пороге стояли две девицы, вид которых не оставлял сомнений в роде их занятий. Очевидно, дежурная решила, что беспокойному постояльцу нужна подобная «терапия». Хотя девицы появились бы и без звонка. Почти при всех отелях города существовали подобные секс-услуги, когда гости получали «обслуживание в номерах» по классу, соответствующему категории отелей. Разумеется, в дешевых отелях за подобный «товар» нужно было платить гораздо более скромную сумму, от пятидесяти до ста долларов, чем в отелях высшей категории, где ночь с девушкой, взятой из модельного агентства, могла стоить до тысячи долларов.

Но Денису Ивановичу не нужны были ни самые дорогие, ни самые дешевые девицы. Стоявшие перед ним молодые женщины нагло усмехались. Одной, рыжей, было лет под тридцать, другая была совсем девочкой. Ей было не больше двадцати. Денис Иванович очень бы удивился, если бы узнал, что рыжей на самом деле только двадцать три, а ее подруге семнадцать! Подруга была в темной короткой юбке неопределенного бурого цвета и в мятой желтой кофточке.

– Чего тебе нужно, папаша? – осведомилась рыжая девица. – Скажи, что ты хочешь, и мы тебя обслужим по первой категории.

«Интересно, что значит „первая категория“? А как они обслуживают по другим категориям?» – подумал Денис Иванович.

– Давно этим занимаешься? – неожиданно спросил он.

– А тебе чего? – окрысилась молодая. – Заразиться боишься?

– Мне ничего, – тихо сказал Денис Иванович и закрыл дверь.

– Придурок, – сказала рыжая и, ударив ногой по двери, громко крикнула: – Импотент чертов. В твоём возрасте нужно уже на солнышке греться.

Она добавила еще несколько отборных ругательств. Булочкин, поморщившись, вернулся к своим деньгам. Теперь они вызвали у него совсем другие чувства. Сидеть здесь на этой куче денег и чего-то ждать было глупо. Нужно было решиться и наконец уйти из этой гостиницы. За проститутками вполне могли появиться и другие неприятные визитеры. Терять времени не имело смысла. Он собрал деньги, уложил их обратно в сумку и вышел из гостиницы. В первом банке, куда он обратился с просьбой срочно открыть ему кредитную карточку, ему сразу отказали. Даже не объясняя причин отказа.

Во втором объяснили, что нужно ждать три дня. В третьем с ним опять не захотели разговаривать. Очевидно, этот банк не работал с индивидуальными клиентами, успокаивал себя Денис Иванович. На самом деле ему не хотели открывать карточку из-за его внешнего вида. Тяжелые ботинки и дешевый польский костюм не внушали особого доверия. Он потерял около часа, но ничего не сумел сделать. Ходить по улицам с деньгами становилось опасным. Он вернулся в гостиницу и собрал свои вещи. Нужно было решиться на следующий шаг. Остаться в дешевой гостинице и ходить по беспокойному городу с тяжелой сумкой денег было сущим безумием.

Денис Иванович остановил машину на улице и поехал в первый отель, который пришел ему в голову. Он запомнил его название – «Марко Поло». Но все места здесь оказались заказаны для участников какого-то конгресса.

Сидя в машине, он с раздражением подумал, что ничего не сможет сделать. Нужно спрятать деньги и вернуться домой к Рите. Таксист, заметив его состояние, обернулся к нему.

– Вам плохо? – спросил он.

– Ничего, – усмехнулся Денис Иванович, – как-нибудь выкручусь.

Если этот таксист узнает, что у него есть миллион долларов, он наверняка врежется в другую машину, подумал Денис Иванович. Почему все так глупо получается? Имея столько денег, он купил себе турецкую обувь, польский костюм, китайскую рубашку. И провел несколько часов в дешевой гостинице. Он даже не сумел открыть себе карточку. Денис Иванович нахмурился. Может, Рита была права. Может, он действительно неудачник? Даже имея миллион долларов, он не может ничего сделать. Кажется, он забыл, что значит быть богатым человеком. Нет, нет. Он просто забыл, как быть нормальным человеком. Он скатился на дно и увлек за собой Риту.

«Нужно ей позвонить, – неожиданно решил он. – Но сейчас только одиннадцать часов утра и она наверняка спит». Неужели он действительно ничего не сможет сделать? Может, сжечь все деньги или сдать их в милицию, чтобы его показали по телевизору и объявили о его идиотизме на всю страну? «Представляю, как меня будут ругать сто миллионов человек», – с неожиданной злостью подумал он, доставая сразу несколько десятков бумажек из разорванной пачки.

– Посмотрим, – неожиданно громко сказал он, сжимая пальцы в кулаки.

– Что вы сказали? – спросил испуганный таксист.

– Ничего. Давай быстрее, у меня мало времени. К лучшему отелю, какой есть в центре, – громко произнес он уже другим, изменившимся голосом.

– Куда? – переспросил таксист, не понявший, что именно вызвало перемену настроения у его клиента.

– В самый дорогой отель города, – твердо сказал Денис Иванович. – Мне нужно снять номер.

Глава 5

Отель «Мэрриот» на Тверской открылся совсем недавно, но уже успел стать знаменитым, когда здесь поселился американский президент, приехавший к нам. Когда такси подъехало к этому отелю, Денис Иванович протянул сто рублей. Таксист собирался дать ему сдачу, полез за ней.

– Не нужно, – твердо сказал Денис Иванович. Ему пришлось приложить для этого некоторое усилие, все-таки сто рублей совсем недавно были для него довольно большой суммой. Но он заставил себя произнести эти слова и выйти из автомобиля. «Пора привыкать к новой жизни», – твердо решил он.

Он вошел в отель с большой турецкой сумкой в руках. Опытный портье Кирилл Григорьевич, увидев вошедшего, чуть нахмурился. Он сразу оценил и небритый вид человека, и его всклокоченные волосы, и дешевую сумку в руках, и его внешний вид.

«Почему швейцар пускает такого типа?» – раздраженно подумал Кирилл Григорьевич. Он работал в отелях больше сорока лет и гордился своим умением разбираться в клиентах. Незнакомец со своей дешевой сумкой подошел к нему.

«С такой физиономией место в ночлежке», – раздраженно подумал Кирилл Григорьевич.

Ему было уже за шестьдесят. Он был почти лысый, с коротко постриженной бородкой и усами. В городе хорошо знали опытного портье, уже успевшего сменить несколько гостиниц и ресторанов, где он неизменно бывал на первых ролях.

– Мне нужен номер в вашем отеле, – неожиданно твердым голосом сказал незнакомец, глядя на портье.

– Вам нужен обычный номер или сюит? – усмехнулся Кирилл Григорьевич. Интересно, что ему скажет этот тип?

– Сюит, – уверенно ответил незнакомец.

– Извините, – чуть смутился Кирилл Григорьевич.

Неужели он ошибся? Но такого просто не может быть. С такой рожей у них не селились. Даже когда приехала «братва» из Воронежа... У них были абсолютно тупые лица и бритые затылки, но сразу чувствовалось, что они при больших деньгах. Вообще-то опытный Кирилл Григорьевич уже точно знал: чем умнее глаза у иностранца и чем скромнее он одет, тем больше его счет в банке. Богатые соотечественники делились на две группы. Одна, достаточно большая, состояла из людей, которые даже в окружении телохранителей и модельных красавиц выглядели довольно неуверенно. Их отличали бегающие глаза, настороженность, преувеличенно громкий голос. Они входили в любое общество, в любую компанию словно в ожидании удара. Они были готовы к этому удару, понимая, насколько несправедны нажитые ими деньги. Родившиеся и выросшие в другом обществе, с другими моральными ценностями, они понимали всю порочность неожиданно обретенного богатства. Вторая группа была представлена обычными бандитами и членами преступных группировок, которые так полюбили малиновые пиджаки и золотые цепи. Скоро они перешли на фирмы Версаче и Гуччи. Но их принялись интенсивно отстреливать, и вторая группа начала редеть с пугающей быстротой.

Кирилл Григорьевич точно знал, что все очень богатые соотечественники делятся на две категории – на государственных воров или обычных бандитов! Но стоявший перед ним человек явно не относился ни к одной из этих групп. Кирилл Григорьевич скептически оценил одежду и вид незнакомца. Нет, он не внушал доверия. Но на всякий случай следовало быть осторожным. Может, этот ненормальный тип друг какого-нибудь миллионера? Или его водитель? Хотя водителю известного человека не позволят появляться на публике в таком виде.

– Вам лучше подойти после двух, – улыбнулся Кирилл Григорьевич. – Как раз начнется новый рабочий день, то есть время вселения в наши номера, и вы сможете взять себе комнату. Ведь иначе вам придется платить за несколько часов, как за весь день.

– Меня это не волнует. Я хочу сьюит, – упрямо сказал незнакомец.

«Он ненормальный», – подумал Кирилл Григорьевич и, снисходительно улыбнувшись, объяснил:

– Сьюиты в нашем отеле стоят от семисот долларов до полутора тысяч в день. У нас очень дорогой отель. И какой кредитной карточкой вы будете платить? «Виза»? «Американ-экс-пресс»? Или «Мастер-кард»? У нас принимаются все виды карточек.

– Я плачу наличными, – сказал незнакомец, доставая деньги, – на три дня. Пять тысяч долларов хватит? Мне нужен лучший номер, какой у вас есть.

Первый раз в жизни Кирилл Григорьевич ошибся. Это смутило его. Но только на одну секунду. Конечно, он ошибся. Конечно, он должен был понять, что этот человек приехал издалека. Может быть, сибирский миллионер-нефтяник или какой-нибудь газовик с Таймыра. Эта была третья группа людей, которые иногда появлялись в Москве. В начале девяностых в дорогих гостиницах стали появляться подозрительные люди с дурными манерами, в дешевой одежде. Они покупали самые дорогие машины и самые лучшие квартиры в городе, виллы и особняки, дорогие украшения и антикварную мебель. При этом всегда платили наличными. Правда, время этих господ быстро закончилось. Самых глупых и наглых отстреляли, других раздавили, третьих выдавили из бизнеса, а четвертые, очень немногочисленная часть, трансформировались в нормальных людей и уже больше никогда не платили наличными и не позволяли себе дурных манер. Но этот незнакомец выглядел слишком необычно. Он не был похож на обычных миллионеров, приехавших с Севера. Для этого у него был слишком уставший вид интеллигентного человека. С другой стороны, он не был похож и на бандита. Но он протягивал деньги. Много денег.

– Извините, – сказал Кирилл Григорьевич, – вы платите наличными? Конечно, можно и наличными. Простите, что я вынужден вам это сказать, но мне нужны будут ваши документы.

– Вот мои документы. – Незнакомец говорил громче обычного. Он достал из кармана пиджака паспорт вместе с книжкой, которая упала на стойку. Кирилл Григорьевич успел перехватить книжку и даже ее посмотреть.

«Художник!» – чуть не взвизгнул он от радости. Конечно, он должен был догадаться. Все эти творческие натуры любят чудить. Он мог заявиться и в более непотребном виде. Однажды Кирилл Григорьевич видел всемирно известного художника Шемякина, который пришел в сапогах и в черной одежде, словно сошел с картин времен Гражданской войны. На нем был смешной картуз.

Над экстравагантностью дурака обычно смеются окружающие его люди. Над экстравагантностью гения смеется все человечество. А это уже не просто смех. Это слава, которая позволяет гению вести себя так, как ему хочется. Кирилл Григорьевич раскрыл паспорт. Московская прописка, с удовольствием прочел он. Конечно, московская. Наверно, преуспевающий художник, который ищет для себя представительские апартаменты. В Москве много очень богатых художников. Их нельзя даже назвать отдельной группой. Это немногочисленные представители творческой элиты, успешно вписавшиеся в окружающую действительность. Кирилл Григорьевич усмехнулся.

– Ваш апартамент будет сейчас приготовлен. – Он вдруг заметил, что стоявший перед ним человек смотрит на репродукцию, висевшую справа от портье.

– Блинов, – сказал Денис Иванович. – Хороший художник. Это мой товарищ.

– Фрукты и шампанское в президентский сьюит, – тихо приказал Кирилл Григорьевич одному из стоявших рядом с ним сотрудников отеля, – и побыстрее.

– Сейчас я вас сам провожу в номер, – улыбнулся портье.

– Спасибо. – Гость поднял свою черную сумку.

«Наверно, он хранит в ней кисти и краски, – подумал Кирилл Григорьевич. – Может, на всякий случай попросить его оставить автограф в книге для почетных гостей? Если этот художник в состоянии платить полторы тысячи долларов в день, то это очень почетный гость».

– Ваш багаж заберут, – предупредительно сказал Кирилл Григорьевич; но гость покачал головой, сжимая сумку в руках.

Они поднялись в номер. Двери были уже открыты. Сразу три горничные бегали по большому трехкомнатному скиту. Все люстры были включены. В этом номере были специальные люстры, изготовленные в Испании.

– Пожалуйста, проходите, – Кирилл Григорьевич был сама любезность. – Надеюсь, вам будет здесь удобно, – сказал портье, улыбаясь.

– Подождите, – остановил его гость, – мне понадобится ваша помощь. Я только недавно прилетел из Америки. Из Лос-Анджелеса, – добавил он мгновение спустя.

«Там они могут ходить в таком виде», – с умилением подумал Кирилл Григорьевич.

– Я вас слушаю, – сказал он, чуть наклонившись и выражая высшую степень готовности помочь такому клиенту.

– Мне нужно открыть счет в банке, – сказал художник, – и встретиться с представителем риелторской фирмы по продаже жилья. Желательно, чтобы фирма была известная и крупная. Кроме того, мне нужен представитель фирмы «Вольво» или «Мерседес». Вы можете это организовать?

– Господи, конечно, можем! – чуть не закричал от радости Кирилл Григорьевич. Он был не просто портье, он был очень опытным портье. При одной мысли, какие проценты он запросит с риелторской фирмы и с представителей автомобильных компаний, Кирилл Григорьевич чуть не задохнулся от радости.

– Что-нибудь еще? – спросил он, наклоняясь еще ближе к гостю. Он готов был заложить свою душу. Такой клиент встречается один раз на миллион гостей.

– У вас приезжают в отель парикмахеры?

– Мы вызовем. Вы хотите побриться и постричься, – кивнул Кирилл Григорьевич, – можете не беспокоиться. Наш отель предоставит вам все возможные услуги, какие только вы можете себе представить. Нужно только ваше желание.

– Спасибо. Пока у меня нет больше желаний. И проследите, чтобы мне принесли горячий завтрак в постель. То есть в номер, я хотел сказать.

– Конечно. – Кирилл Григорьевич вышел из апартаментов. Он погрозил одной из горничных, которая замешкалась с цветами. Она несла в номер огромный букет живых цветов. Кирилл Григорьевич спустился к себе на первый этаж. Вызвать парикмахеров не проблема. Это он сейчас сделает. Открыть счет в банке тоже несложно. А вот звать сюда представителей автомобильных компаний и риелторской фирмы по продаже жилья совсем другое дело. Во-первых, с них нужно получить очень большие проценты, если клиент надумает что-то купить. А во-вторых, нужно убедиться в том, что клиент действительно тот, за кого он себя выдает. Хотя пять тысяч долларов он уже заплатил. Кирилл Григорьевич подошел к телефону, поднял трубку и позвонил одному своему знакомому, который в советское время был известным фарцовщиком. Сейчас он стал депутатом Государственной думы и владельцем крупного казино. Кирилл Григорьевич много помогал тогда бывшему фарцовщику и торговцу иконами.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Кирилл Григорьевич. После того как его приятель стал депутатом, он обращался к нему только на «вы». – Вас беспокоит Кирилл Григорьевич.

– Здравствуй, Кирюша. Как у тебя дела?

– Спасибо, все хорошо. Я хотел уточнить про одного художника. Булочкин Денис Иванович. Вы слышали про такого художника?

– Булочкин? Ах да, конечно, слышал. В конце восьмидесятых был очень популярен. Его картины продавались на Запад, платили тогда ему в твердой валюте. Но в последние годы не знаю, где он. Одни говорили, что спился, другие считали, что он уехал на Запад.

– Высокого роста, рыжеватые волосы. Верно?

– Да. А почему ты спрашиваешь? Его картины раньше хорошо продавались. Но сейчас он, кажется, в Америке.

– Спасибо. – Кирилл Григорьевич положил трубку и чуть не запел от радости. Теперь он знал, что именно ему нужно было делать.

Представители банка прибыли через пятнадцать минут. Кирилл Григорьевич объяснил им, что прибывший из Лос-Анджелеса всемирно известный русский художник Булочкин собирается открыть счет в их банке, помогая своему Отечеству. Представители банка выразили полное понимание и поддержку патриотизму господина Булочкина. Но когда они поднялись наверх и узнали, что господин Булочкин собирается открыть в их банке счет и готов вложить сто тысяч долларов, у обоих сотрудников банка возникло некоторое замешательство. Пока они совещались, выяснилось, что господин Булочкин хочет положить в их банк уже не сто, а двести тысяч. Разумеется, господин Булочкин объяснил, что эти деньги были получены в России за его картины, а не ввозились из-за рубежа. И разумеется, сотрудники банка ему поверили. Они еще не слышали, чтобы кто-то в здравом уме ввозил в страну двести тысяч наличных долларов, чтобы положить их в российский банк. Подобных прецедентов просто никогда не было. Обычно такие суммы вывозили. Или переводили на собственные счета в российских банках.

Специально вызванные инкассаторы приняли деньги и уехали вместе с сотрудниками банка, которые пообещали уже через три часа выдать владельцу золотую карточку «Мастеркард». Затем появились парикмахеры, трое в белых халатах. Две очаровательные девушки и мужчина. Пока одна девушка мыла голову господину Булочкину, другая делала ему педикюр. На всякий случай Кирилл Григорьевич вызвал двух девушек из специальной парикмахерской, которая функционировала в их городе. В ней клиентов стригли и брили обнаженные девушки, сочетая приятное с прекрасным. Девушки, конечно, не стали раздеваться в таком дорогом отеле, но готовы были это сделать по первому требованию гостя.

Но художник совсем не обращал внимания на их пышные формы. Когда они ушли и Кирилл Григорьевич поднялся наверх, он просто не узнал своего гостя. Перед ним сидел молодой красивый мужчина в расцвете сил. У мужчины были интеллигентные глаза и приятная внешность.

Затем начали прибывать представители автомобильных компаний. На всякий случай Кирилл Григорьевич вызвал представителей сразу трех компаний – «Вольво», «Мерседес» и «БМВ». С каждым из них он беседовал отдельно. Автомобильный дилер первой компании готов был заплатить три процента от сделки продаж, представитель второй компании поднял цену до трех с половиной процентов. Тогда как представитель третьей компании предложил сразу четыре процента и выиграл своеобразный тендер, проведенный Кириллом Григорьевичем.

Именно представителя компании «БМВ» любезный портье поднял в апартаменты Дениса Ивановича. На вопрос гостя о других компаниях Кирилл Григорьевич охотно пояснил, что в одной проходит ревизия, а в другой налоговая проверка.

Кирилл Григорьевич ушел от гостя в половине первого, уверенный, что разговор будет продолжаться достаточно долго. У представителя компании «БМВ» был целый каталог автомобилей. Но не прошло и пяти минут, как представитель спустился вниз. На его лице блуждала сумасшедшая улыбка.

– Почему вы так быстро ушли? – набросился на него Кирилл Григорьевич, расстроенный тем, что сделка сорвалась. – Вы должны были его уговорить.

– Мы уже все подписали, – объяснил сотрудник, глядя сумасшедшими глазами на портье. – Он выбрал «семерку» представительского класса. За сто пятьдесят тысяч долларов. Я могу вам немедленно уплатить шесть тысяч долларов. Ваши проценты.

– Тише, – сказал ошалевший от радости Кирилл Григорьевич, оглядываясь по сторонам. – Он уже заплатил вам деньги?

– Да, – кивнул представитель компании, показывая бумажный пакет, в который было завернуто пятнадцать пачек стодолларовых купюр. – Его единственная просьба, чтобы машина была у отеля ровно в шесть часов вечера. С уже оформленными номерами и документами.

– Надеюсь, вы успеете? – усмехнулся Кирилл Григорьевич.

– Да, конечно, – кивнул представитель компании, направляясь к выходу.

– А деньги? – догнал его Кирилл Григорьевич.

– Извините. – Представитель компании хотел достать первую пачку, но портье перехватил его руку.

– Что вы делаете, – упрекнул он своего визави, – на нас смотрят. Зайдемте ко мне в кабинет.

Когда через минуту представитель компании ушел, Кирилл Григорьевич вышел из кабинета, напевая что-то про себя, чем немало удивил всех сотрудников отеля, никогда не замечавших за портье подобной странности. Теперь следовало перейти к главному заданию. Кирилл Григорьевич уединился в своем кабинете, выбирая самые дорогие риелторские конторы по продаже жилья.

В это время Денис Иванович сидел за столиком и пил уже пятую чашку кофе. Здесь был настоящий кофе, а не тот суррогат, который он пробовал сегодня утром. Воспоминания об утреннем завтраке казались далекими, как сон. Тем не менее он подвинул к себе аппарат и набрал домашний телефон. Ему ответила заспанная Рита.

– Алло, – строго сказал Денис Иванович, – ты еще не проснулась?

– Уже проснулась. А куда ты ушел? В доме нет хлеба.

– Я потом тебе объясню. Если меня будут спрашивать, скажи, что я уехал в Тулу получать деньги.

– Так ты все-таки решил уехать, – поняла Рита. – Думаешь, они тебе заплатят?

– Обязательно, – сказал он, глядя на свои отполированные ногти, – обязательно заплатят.

Он посмотрел на себя в зеркало, и ему не понравилась его улыбка. Задних зубов нет, а передние шатаются. Нужно будет устранить и этот дефект.

– Я вечером позвоню и все объясню.

– Приезжай, – вдруг сказала Рита, – чего тебе в Туле ночевать. Дома всегда лучше.

Денис Иванович положил трубку. Затем позвонил портье.

– Меня беспокоят мои зубы, – сказал он, обращаясь к Кириллу Григорьевичу. – Я вижу, что вы очень оперативно решаете все мои вопросы. Вы не могли бы найти и прислать мне зубного врача. Желательно, чтобы он приехал со своей аппаратурой. У меня есть несколько часов времени, и он мог бы поработать у меня в номере. Разумеется, я вам заплачу за ваши хлопоты.

– Что вы, что вы, – буквально запел Кирилл Григорьевич, – какие хлопоты? Какие могут быть вопросы! Я все организую в лучшем виде. Вы можете не беспокоиться. Я немедленно начну искать для вас лучшего врача в городе. Не волнуйтесь, он приедет к вам со своими ассистентами и аппаратурой.

В половине второго приехали представители четырех самых известных риелторских фирм. Когда одна фирма предложила портье десять тысяч долларов, в случае если сделка будет выше трехсот, он чуть не задушил в своих объятиях их представителя. И именно этот представитель отправился в номер Дениса Ивановича со своим каталогом.

Кирилл Григорьевич ждал представителя компании внизу, уже убежденный в том, что все завершится достаточно быстро. Однако время шло, и никто не выходил из апартаментов. Это начало беспокоить Кирилла Григорьевича. И когда приехали врачи из частной стоматологической поликлиники, он решил подняться вместе с ними.

Когда он вошел в апартаменты, то услышал громкие голоса говоривших.

«Какой идиот! – зло подумал Кирилл Григорьевич о представителе риелторской фирмы. – Неужели он не понял, что ему выпал лотерейный билет?! Такой клиент бывает один раз в жизни. У него в глазах написано, что его можно обмануть. И обмануть по-крупному».

Но он не стал мешать разговору, а только попросил врача работать так, чтобы не мешать гостю выбирать возможные варианты. Кирилл Григорьевич прождал в холле еще около часа, когда наконец увидел, как к отелю подкатила машина с четырьмя инкассаторами.

«Наверно, хочет опять платить наличными», – с умилением подумал портье.

Представитель фирмы, торгующей недвижимостью в столице, вышел в сопровождении четырех вооруженных людей. Он был сосредоточен, даже задумчив.

– Что случилось? – бросился к нему Кирилл Григорьевич. – Вы сорвали сделку?

– Нет, – ответил удивленный представитель, – наоборот. У меня еще не было такого клиента. Он захотел приобрести квартиру и дачу. На общую сумму в четыреста восемьдесят тысяч. Это просто фантастика. Он выплатил нам все деньги наличными. Я еду оформлять на его имя квартиру и дачный коттедж.

Кирилл Григорьевич почувствовал, что ему плохо. Ведь другая компания предлагала три процента, а эти заплатят ему только десять тысяч. Нужно было соглашаться на проценты. Три процента от четырехсот восьмидесяти... Ему стало еще хуже. Ему дали валидол и попытались уложить в кабинете, но он догнал уезжавших представителей компании уже на улице.

– Где мои деньги? – слабым голосом спросил Кирилл Григорьевич.

– Когда оформим сделку, заплатим, – нагло сказал представитель риелторской фирмы.

«Бандиты», – подумал Кирилл Григорьевич.

– Нет, так не пойдет, – упрямо сказал он. – Платите деньги, или я поднимусь к нашему гостю и скажу ему, что вы недобросовестная фирма, которая может его обмануть. Платите деньги немедленно.

– Ну и жлоб ты, папаша, – сказал один из охранников. – Зачем тебе столько денег на тот свет?

– Платите деньги, – упрямо сказал Кирилл Григорьевич, тяжело дыша. – Вы не имеете права так подло обманывать людей.

– Миша, дай ему одну пачку, пусть утретя, – приказал руководитель охраны, который почему-то имел большее влияние, чем представитель компании. Тот послушно достал одну пачку, передал ее Кириллу Григорьевичу.

– Спасибо, – вежливо сказал портье и, с достоинством повернувшись, пошел в здание отеля. Деньги он положил во внутренний карман.

– Вот таких стрелять нужно, – уверенно сказал один из охранников. – Вымогатель настоящий. Зачем ты сказал, чтобы я дал ему денег, Миша? Могли бы послать его подальше.

– Ничего, – ответил Миша, – сегодня мы и так заработали. Зачем его стрелять, потом достанем. Он теперь богатенький Буратино, будет у нас всегда на крючке.

Зубные врачи продолжали работать в апартаментах Дениса Ивановича. Портье вошел в свой кабинет и, закрыв дверь, пересчитал сегодняшний заработок. Он не зарабатывал столько денег за один раз никогда в жизни. Даже когда работал в казино. Кажется, он нарвался на ненормального миллионера. Хотя эти творческие люди все ненормальные. Кирилл Григорьевич улыбнулся. Он вспомнил, как однажды в казино некий архитектор заложил свои часы, стоившие несколько тысяч долларов. Часы были настоящие швейцарские, видимо, купленные с прежних гонораров. Но проигравшемуся архитектору предложили за них только двести дол-

ларов. Когда человек играет, да еще и проигрывает, он не может остановиться. Архитектор, конечно, согласился и на двести долларов, которые сразу тоже проиграл. Кирилл Григорьевич помнил, с каким лицом уходил этот архитектор. Но самое интересное, что через несколько месяцев архитектор снова появился в казино и на руке у него были похожие часы. Только чуть позже Кирилл Григорьевич догадался, что часы были поддельные, купленные у какого-нибудь торговца на улице в Стамбуле или Бухаресте, где продавали копии известных марок часов за несколько долларов. Архитектору было важно демонстрировать подобные часы, чтобы никто не сомневался в его состоятельности, но выглядел при этом он достаточно жалко.

«Они все такие, – подумал Кирилл Григорьевич. – Все эти художники, писатели, архитекторы, вся эта шушера интеллигентная. Как только появляются деньги, они сразу их тратят». Если у этого художника появятся еще какие-нибудь фантазии, он их с удовольствием выполнит.

– Как я мог так ошибаться, – вспомнил он о своей утренней промашке. – Ведь я должен был сразу понять, что этот художник человек творческий, а значит, психопат, как и все наши интеллигенты. У них все равно деньги долго не задерживаются. Как пришли, так и ушли. Настоящие психи.

Глава 6

К пяти часам вечера стоматологи закончили свою работу. Они успели поставить шесть пломб и сделать три протеза. Денис Иванович был вполне доволен их работой. И заплатил гораздо больше запрошенной суммы. Большого они сделать не могли, иначе такая рекордная работоспособность могла сказаться на качестве. Это были настоящие врачи, а не халтурщики. Когда они ушли, Денис Иванович в очередной раз позвонил портье и попросил найти хорошего визажиста.

– Для чего? – любезно проворковал Кирилл Григорьевич. Он был поражен своим гостем и уже не скрывал этого. Никогда больше у него не будет такого клиента, твердо знал портье, и поэтому он готов был выполнить любые его пожелания. Если бы тот попросил луну с неба, то за хорошие комиссионные Кирилл Григорьевич готов был обдумать и этот вариант, наняв либо американских астронавтов, либо российских космонавтов.

– Мне нужна одежда на прием, – объяснил Денис Иванович, – но не смокинг, а хороший темный костюм, рубашка, галстук, обувь. В общем, полный комплект. И скажите, чтобы сначала посоветовались со мной, я все-таки сам художник и не хуже их разбираюсь в костюмах. Просто сейчас у меня нет времени. Я должен принять душ и пообедать. Врачи сказали мне, что у них мгновенно застывающая пломба и я могу пообедать.

– Мы поднимем обед в ваш номер. И выберем вам полный комплект одежды, – любезно сообщил Кирилл Григорьевич. – Приехали представители банка, которые привезли вашу карточку, – добавил портье, предупредительно наклонившись к своему гостю. – Разрешите им подняться в номер?

– Конечно, – кивнул Денис Иванович. – Пусть поскорее принесут мне карточку. И распорядитесь насчет визажиста. Да, вот еще что. Я совсем забыл. – Он поднялся и достал из кармана сотенную купюру, протягивая ее портье. – Это за ваши услуги, – добавил он.

Кирилл Григорьевич растрогался. «Все-таки вспомнил, дурашка, о моих услугах», – с умилением подумал он. Ведь ему уже давно полагались хорошие чаевые. Да любой другой портье уже должен был получить несколько тысяч долларов. Кирилл Григорьевич посмотрел на купюру с изображением американского президента. Нужно объяснить этому идиоту, что за подобные услуги не платят сто долларов, возмутился портье. Но это он сделает завтра. Сегодня нужно выполнять все безумные требования этого типа. Наверно, он принес в сумке несколько миллионов наличными. Портье вспомнил о дешевой матерчатой сумке, которую их гость не хотел никому отдавать. Теперь он точно знал, что именно было в этой сумке...

Кирилл Григорьевич спрятал купюру в карман и пошел звать представителей банка. Двое придурков еще пытались поспорить, когда он запоздало потребовал свои комиссионные. Конечно, на многое он не рассчитывал, просить нужно было с самого начала. И поэтому портье удовлетворился весьма скромной суммой в пятьсот долларов, успокаивая себя, что завтра возьмет с художника гораздо больше. Он вдруг подумал, что нужно будет попросить художника набросать портрет его, Кирилла Григорьевича, хотя бы карандашом. Если художник станет известным, то на Западе такие рисунки будут дорого стоить. Он взял свои пятьсот долларов и пропустил представителей банка к Булочкину.

Сотрудники банка передали художнику золотую карточку «Мастер-кард» и довольно быстро удалились. Пока они были у Булочкина, Кирилл Григорьевич звонил в известный бутик мужской одежды, где можно было заказать необходимые аксессуары для их гостя. Портье даже не уточнял, готов ли гость оплатить расходы. Человек, который открыл счет на двести тысяч долларов в банке, заплатил полмиллиона наличными риелторской фирме и приобрел самую дорогую модель представительского класса «БМВ», наверняка сумел бы оплатить и самую лучшую одежду, которую сюда могли привезти.

Заказанные костюмы и рубашки довольно быстро привезли в отель. Хотя их было в пять раз больше, чем нужно было гостю, тем не менее портье приказал все поднять в номер, не сомневаясь, что тот оплатит все счета. Наверно, он получил наследство, понял к этому времени Кирилл Григорьевич. Или продал свой загородный дом и поэтому покупал дачу и квартиру одновременно.

В шесть часов вечера фирма «БМВ» подогнала новый автомобиль представительского класса. За рулем сидел водитель, который готов был объяснить господину Булочкину все секреты управления новым автомобилем. Одним словом, это был день чудес, и Кирилл Григорьевич показал себя добрым волшебником.

Когда в семь часов вечера Денис Иванович спустился в холл, портье невольно залюбовался своим творением. Это был уже не тот грязный, небритый человек с растрепанными волосами, в дешевом костюме и с поношенной курткой в руках. Перед ними стоял высокий красивый мужчина, аккуратно постриженный, чисто выбритый, уверенный в себе.

Он был одет в дорогой темный костюм. Галстук в полоску, запонки, дорогая итальянская обувь, мягкий ремень, белая рубашка с воротником, в который вставлялись пластиковые палочки – все от лучших фирм. Словом, перед Кириллом Григорьевичем стоял очень респектабельный и очень богатый человек, который иронически смотрел, как суетится портье, провожая его к выходу.

– Вы сами поведете машину, или будет лучше, если сегодня вас отвезет наш водитель? – поинтересовался портье. – Вы можете быть уверены в нашем водителе.

Денис Иванович охотно позволил водителю сесть за руль и разместился на заднем сиденье в «семерке». В «БМВ» представительского класса заднее сиденье находилось на большом расстоянии от переднего. Здесь можно было посмотреть телевизор, открыть бар, выбрать шампанское или коньяк. Фирма предусмотрительно наполнила бар перед продажей автомобиля бутылками коллекционного коньяка и шампанского.

Денис Иванович поехал на прием в галерею к Саше Фельдману, поручив портье вызвать на девять часов вечера представителей ведущих мебельных магазинов столицы. Портье понял, что у него будет время на проведение еще одного тендера, и от радости едва не расцеловал Булочкина.

Галерея Саши Фельдмана стала довольно известной в результате скандальных акций, проведенных ее владельцем, который был не столько художником-авангардистом, сколько своеобразным бунтарем против устоявшихся норм в искусстве и культуре. Сюда обычно приходили все ведущие художники столицы; Денис Иванович давно не бывал на подобных мероприятиях и поэтому чувствовал некоторое волнение. Его автомобиль подъехал к зданию, где размещалась галерея, как раз в тот момент, когда там затормозил «Ниссан». Из него вышли Вячеслав Орехов и его спутница, одетая уже в темное облегающее платье до пят и меховое манто, накинутое на плечи. Заметив подъехавшую машину, они машинально обернулись, чтобы посмотреть, кто выходит из автомобиля. Водитель быстро подскочил к задней двери, открывая ее. Орехов от изумления даже вскрикнул. Из машины вылез Денис Булочкин, сверкая новыми итальянскими туфлями, новыми зубами и новыми запонками. Спутница Орехова остановилась, чтобы оценить вышедшего человека. Она знала цену таким автомобилям и могла оценить стоимость вещей, надетых на этого респектабельного господина. И только потом она взглянула на его лицо. Она не узнала этого человека. Она не могла его узнать. Это был совсем не тот Булочкин, которого они встретили сегодня утром.

– Денис, – радостно сказал Орехов, – как хорошо, что ты приехал.

– Здравствуй, Вячеслав, – склонил голову Булочкин. – Добрый вечер, мадам, – обратился он к женщине.

Надя смутилась. Этого просто не могло быть. Сегодня утром она видела заросшего жалкого человека, в грязной одежде выходившего из булочной. А сейчас перед ней был уверенный,

хорошо одетый, чисто выбритый и постриженный господин, который приехал на автомобиле, чья стоимость превышала годовой доход ее друга. Этого просто не могло быть.

– Мы с вами виделись сегодня утром? – прошептала она, все еще не веря в подобную метаморфозу.

– Да, – кивнул Денис Иванович, – вы сидели в этом «Ниссане». Кажется, вы приехали из аэропорта, где встречали Славу. – Он любезно пропустил их вперед, чтобы пройти в галерею следом за ними.

Надя еще раз посмотрела на него. «Какие у него пронизательные глаза, – подумала она. – И как элегантно он смотрится. На его фоне все остальные мужчины выглядят как жалкие комедианты. А он здесь единственный аристократ. Странно, что я не заметила в нем этого утром».

– Он действительно талантлив? – спросила Надя у своего друга.

– Фантастически, – зашептал Орехов. – Я думаю, он работает в последние годы над каким-то частным проектом. Может, расписывает где-нибудь дворец или пишет портреты членов королевской фамилии. Он очень талантлив.

– Не сомневаюсь, – сказала она. – Способность к перевоплощению – это тоже талант. А в нем есть какая-то струна.

– Ты мне проиграла, – напомнил Орехов. – Я говорил тебе, что он обязательно придет на мою выставку.

– Оставь эти глупости, – сказала Надя. – Лучше учись у него скромности. Я сегодня утром и подумать не могла, что это тот самый выдающийся Булочкин.

Вокруг Дениса Ивановича образовалось небольшое столпотворение. Все расспрашивали его о творческих планах, рассказывали о том, как всегда ценили его творчество. Карманы Булочкина постепенно наполнялись визитными карточками. Он извинялся, объясняя, что забыл принести свои. Надя видела, с каким восхищением на него смотрят женщины. Она чувствовала некоторую досаду и огорчение. Ей всегда казалось, что она умеет правильно выбирать. И когда пятнадцать лет назад совсем молодой девочкой она выбрала себе в мужа модного театрального режиссера, и когда десять лет назад увлеклась известным актером, и когда пять лет назад начала встречаться с очень известным политиком, и, наконец, когда в прошлом году она сделала свой выбор, остановившись на Вячеславе Орехове. Она всегда безошибочно чувствовала конъюнктуру и выбирала самого достойного. А теперь оказалось, что она не просто ошиблась, она вообще не знала о существовании такого интересного художника, как Денис Булочкин. Орехов с его шутками и визитами в Лос-Анджелес, куда он летал эконом-классом, казался несерьезным и легковесным маляром по сравнению с элегантным Булочкиным, который мог появиться на приеме в одежде, стоившей несколько тысяч долларов, приехав на автомобиле, который стоил гораздо больше, чем могли заработать ее друзья за годы напряженной работы.

Она впервые подумала, что стареет. И хотя ей было только тридцать семь лет, она всегда очень тщательно следила за собой, собираясь рожать в зрелые годы. Сейчас, глядя на Дениса Ивановича, она вдруг подумала, что именно от такого отца можно было родить ребенка. Красивый, умный, талантливый, известный, богатый. Сочетание этих качеств всегда восхищало Надежду. Как она могла выбрать Орехова? Этого художника средней руки, который никогда не сможет стать Булочкиным. Как она могла им увлечься? Ее раздражало теперь в Орехове буквально все. И его дурацкие картины, и его двубортный старомодный костюм, и его дешевый галстук. И этот «Ниссан», на котором порядочные люди не ездят.

Воспользовавшись моментом, когда Орехов разговаривал с заместителем министра культуры, она подошла к Булочкину.

– Вам нравится? – спросила она, глядя ему в глаза.

– Нравится, – кивнул Денис Иванович. – Посмотрите, какие линии, какая жизнеутверждающая сила в его произведениях. Очень нравится.

– Вы всегда так снисходительны к своим друзьям? – спросила она с легким сарказмом.
– А вы всегда так безжалостны? – парировал он.
– Сегодня утром мы вас видели, – наконец задала она мучающий ее вопрос. – Вы работаете в том районе. У вас там мастерская?
– Да, – ответил Денис Иванович. – У меня там мастерская.
– А где вы живете в Москве? – поинтересовалась Надя. – У вас есть своя квартира?
– Я ее сегодня купил, – улыбнулся он.
– Вам хочется надо мной смеяться? Если я сегодня утром вас не признала, то лишь потому, что была очень уставшей.

– Нет-нет. Я не смеюсь. Я действительно купил шестикомнатную квартиру на Осенней улице сегодня днем. И дачу на Рублевском шоссе. Правда, не совсем дачу, а коттедж.

– В каком месте? – ухмыльнулась она. – Рядом с президентом?

– Нет. Там есть коттедж, который построили англичане. Недорогие трехкомнатные домики стоят сто пятьдесят тысяч. Я купил один такой. Прошу меня извинить... – Он отошел к французскому послу, который уже подходил к ним.

«Он надо мной издевается, – решила Надя. – Думает, что может смеяться после утреннего происшествия. А я сейчас позвоню своей подруге, у которой муж работает в фирме, оформляющей дома на Осенней. И тогда я посмеюсь над ним. Вот посмотрим, как он станет выкручиваться».

Она достала мобильный телефон и набрала номер своей подруги.

– Люся, это я, Надя. Как у вас дела?

– Здравствуй, Наденька, – обрадовалась ее подруга. – Мы с Алексеем сейчас едем к его маме, поэтому не смогли прийти к вам на выставку. Но мы завтра обязательно будем, – лицемерно пообещала подруга.

– Ничего, Люся, я знаю, что вы не смогли приехать только из-за болезни его мамы, – не удержалась от саркастического выпада Надежда. – Скажи мне, Люся, твой муж по-прежнему занимается продажей этих дорогих квартир на Осенней? Ты говорила, что там еще есть три квартиры.

– Уже две, – сообщила Люся. – Сегодня одну продали. Как раз шестикомнатную. Ты не поверишь, но Алексей говорит, что такой сделки у них никогда не было. Ты представляешь, им заплатили наличными. Они повезли в банк такую кучу денег...

«Значит, Булочкин мне соврал, – удовлетворенно подумала Надя, бросая на него чуть иронический взгляд. – Он узнал о покупке в элитном доме и решил пошутить».

– Говорят, что квартиру купил какой-то художник, – продолжала Люся. – Ты спроси Славу, может, он про него слышал.

– Какой художник? – насторожилась Надя.

– Какой-то Булочкин. Ты слышала про такого? Булочкин Денис Иванович. Он купил сразу дом и дачу на Рублевском шоссе. Там, где строили англичане. Алексей говорит, что такого у них никогда в практике не было. Чтобы сделку завершили за один день...

– Не может быть, – растерянно сказала Надя. – Этого просто не может быть.

– Ты с ним знакома? – обрадовалась Люся. – Говорят, что очень интересный человек. Алексей считает, что этот художник человек загадочный. К нему вызывали специальных девиц из особой парикмахерской. Из той самой, где стригут и бреют в обнаженном виде. Представляешь? Он еще и сексуальный маньяк. Говорят, исключительно интересен. Гиперсексуален. Ты представляешь, лечь под такого. Ну, что ты обижаешься, – сказала она мужу. – Я же не собираюсь бежать к этому Булочкину и изменять тебе. Я просто так говорю. Гипотетически. Нужна я ему в свои тридцать девять.

На самом деле ей было сорок четыре, но Надя не стала уточнять возраст подруги.

– Спасибо, – сказала она, убирая аппарат.

На этот раз она посмотрела на Дениса Ивановича совсем другим взглядом. Теперь она не сомневалась, что перед ней гений. Кто еще может позволить себе выбросить в один день такие огромные деньги! И он так скромно об этом говорит. Она с отвращением посмотрела на Орехова.

– Ничтожество. Не стесняется приглашать на свою выставку такого гениального художника, как Денис Иванович Булочкин. А тот скромно приехал на своей великолепной машине и еще хвалит эту бездарность. Вот уж действительно, нужно помогать бездарным. А гении все равно сами пробиваются.

Она подошла к Булочкину, бесцеремонно расталкивая окружающих. Как раз в этот момент Денис Иванович разговаривал с владельцем галереи Сашей Фельдманом.

– Мы могли бы тебя выставить, – предлагал Саша. – Ты же знаешь, Денис, как раньше продавались твои картины. Но в последние годы я не встречал твоих работ. Говорят, что ты продаешь их только за рубеж.

– Не всегда, – признался Денис Иванович. – Некоторые я оставляю в России.

«Как он скромен, – умилилась Надя, – какое чувство юмора. „Не всегда“. Он, наверно, работает только на королевские фамилии. Нужно будет упрощить его написать мой портрет. Может быть, со временем он попадет в Третьяковку. Все эти дамы, которых писали Тулуз-Лотрек, Манэ, Пикассо, Модильяни, – все они попали в историю живописи. Нужно будет его упрощить. Я готова ему позировать даже обнаженной».

Она посмотрела на Дениса Ивановича и чуть покраснела, словно сказала это вслух. Но тут же вспомнила слова Люси. С такими деньгами этот человек может купить самых красивых женщин в городе. И ему не нужны старые женщины. Она вдруг подумала, что выглядит достаточно вульгарно в этом обтягивающем платье. Нужно было надеть что-нибудь другое, более солидное.

Денис Иванович, закончив говорить с Фельдманом, неожиданно подошел к стоявшему в углу взлохмаченному художнику в цветной рубашке и вельветовых брюках. У художника была окладистая борода, и он изумленно смотрел на подходившего Булочкина. Это был Павел Меженин.

– Денис, – сказал он удивленным голосом, – ты сегодня так выглядишь. Как армянский коньяк «три звездочки». Все звезды на тебе. А я вчера к вам звонил, но Рита сказала, что ты уже спишь.

– Она мне передала, – кивнул Денис Иванович. – Слушай, Павел, я у тебя брал в долг пятьдесят долларов. Хочу тебе вернуть. – Он вытащил и протянул сто долларов.

Меженин посмотрел на купюру. Потом перевел взгляд на роскошно одетого друга. И пожал плечами.

– Нет, – сказал он, – ты у меня брал только пятьдесят. Я не знаю, где ты нашел этот костюм, но грабителем я никогда не был. И под проценты никому не давал. Если не хочешь меня обидеть, верни мне ровно пятьдесят долларов.

Денис Иванович вытащил пачку денег. В основном только стодолларовые бумажки. Неожиданно он увидел две тысячные бумажки. Он вытащил их и протянул Меженину.

– Пятьдесят, – упрямо сказал тот, – я тебе верну остаток в рублях. Я тебе должен шестьсот рублей. Но их у меня с собой нет.

– Не нужно, – попросил Денис Иванович; хватая его за руку, – подожди, Павел. Я должен вернуть тебе тысячу четыреста двадцать пять рублей. Это как раз пятьдесят долларов. А остальные деньги пусть будут у тебя. Когда мне снова понадобится, ты мне одолжишь.

– Думаешь, снова понадобится? – улыбнулся Павел. – Ты стал таким красивым.

– Случайно, – улыбнулся Денис Иванович. – Даже сам не ожидал.

– Да ладно тебе, я ведь знаю, как ты работаешь. А я тебе работу подыскал в Москве. Клуб железнодорожников нужно оборудовать. Они обещали заплатить наличными. Двадцать тысяч рублей.

– Чуть больше шестисот долларов, – сказал Денис Иванович. – Хорошая халтура. Нашел кого-нибудь?

– Никого. Думал тебе предложить, а теперь даже не знаю, что говорить. Я им уже обещал, что найду художника.

– Найдем обязательно, – убежденно сказал Денис Иванович. Надя, видевшая, как Булочкин считал деньги, отдавая их Меженину, смотрела на Дениса Ивановича уже с благоговением. «Он еще и деньги раздает нуждающимся друзьям, – думала она. – Вот какой человек живет рядом с нами. А мы даже не подозревали о его существовании».

Глава 7

Когда начали подавать легкие закуски и шампанское, все стали разбредаться по залам. Надя с удовольствием следила за Булочкиным. С сегодняшнего дня она считала его своим кумиром. Однако в дверях возникло какое-то малопонятное движение. Охранники выясняли какие-то вопросы с несколькими мужчинами в штатском, приехавшими сюда и требовавшими позвать Булочкина. Услышав его фамилию, Надя поспешила найти Дениса Ивановича и передать ему просьбу знакомцев.

В этот момент его снимали тележурналисты, готовившие репортаж о выставке для информационной программы первого канала. Услышав о том, что его ждут знакомые мужчины, Денис Иванович помрачнел. «Наверно, не хочет общаться с журналистами», – подумала Надя. И прошла к выходу, чтобы узнать, о чем будет Булочкин беседовать с приехавшими знакомцами.

Денис Иванович выходил из галереи медленно, словно ожидая подвоха. Он не знал, кто именно ждет его у входа! Бандиты, которые сразу его расстреляют? Или сотрудники ФСБ, которые должны его арестовать? Но стоявшие рядом с охранниками мужчины не были похожи на бандитов. И, кажется, не собирались его арестовывать. Фельдман уже стоял рядом с знакомцами, пытаясь объяснить им, что здесь собираются творческие люди и совсем незачем входить в галерею, незачем устраивать здесь скандал. Один из знакомцев особенно выделялся. Он был очень высокого роста, с почти сросшимися бровями на круглом красивом лице. Высокий мужчина шагнул к Денису Ивановичу.

– Извините, что мы вас отвлекли. Вы господин Булочкин?

– Да, – кивнул Денис Иванович. «Неужели все-таки из милиции?» – подумал он, оглядываясь на Сашу Фельдмана, стоявшего рядом с ним.

– Мы из Государственного таможенного комитета, – объяснил представитель таможни. – Это вы сегодня купили автомобиль «БМВ» седьмой серии представительского класса?

– Кажется, я, – улыбнулся Денис Иванович. – Разве это запрещено законом? Или таможенными правилами?

– Нет, – ответил таможенник. – Конечно нет. Но представители фирмы хотели оформить покупку за один день, и мы решили все проверить. Вы извините нас, господин Булочкин, мы знаем, что вы не виноваты. Но дело в том, что машина не прошла растаможки. И она считается незаконно оформленной. Вы можете подать в суд на фирму, которая продала вам такой автомобиль, но мы должны его забрать, чтобы поставить на нашем складе.

– Это безобразие, – сразу начал говорить Фельдман. – Я купил машину в прошлом году, а потом оказалось, что она в угоне. Денис Иванович – художник, покупая машину у солидной фирмы, не должен думать о растаможке автомобиля. Этим должна заниматься фирма, которая продает автомобиль.

– Верно, – согласился таможенник. – Поэтому мы и предлагаем господину Булочкину подать в суд на фирму. Извините нас, Денис Иванович. Мы заберем машину и, когда фирма все оформит, вернем ее вам. Она будет числиться за вами. Можете не беспокоиться.

– Ничего, – улыбнулся Булочкин. – Это не самое страшное, что может со мной случиться в жизни. Спасибо вам. И до свидания.

Он пожал всем руки и вернулся в галерею. Высокий таможенник покачал головой.

– Вот мужик, – восхищенно сказал он, – первый раз такого встречаю.

Надя стояла за дверью и все слышала.

Он купил машину, заплатил за нее деньги, нажитые с таким трудом, и ни слова не возразил, когда автомобиль отбирали. Ко всем своим достоинствам он еще и щедрый, благородный человек. Как важно, чтобы мужчина не был жадным. Другой бы на его месте устроил скандал,

не стал бы отдавать машину, купленную за такие невероятные деньги. А он просто отказался от своего автомобиля.

Она вдруг поняла, что это мужчина ее мечты. Самый настоящий принц, о котором она столько лет мечтала.

Денис Иванович вернулся в галерею, чувствуя, как устал. Сегодняшний день длился так долго. Часы показывали уже половину девятого, когда он решил вернуться в отель. Тепло поздравив Славу Орехова еще раз, он обнял своего старого друга, попрощался с владельцем галереи, еще раз пообещав Саше Фельдману свои новые работы. Наде он поцеловал руку, пробормотав очередную любезность.

– Вы не оставили свой телефон, – напомнила она.

– Да, действительно, – вспомнил Денис Иванович, – но я его забыл. Хотя меня легко найти. У меня съюит в отеле «Мэрриот» на Тверской. Президентский съюит, кажется, так его называют.

Надя была в курсе всех светских разговоров. Она изумленно уставилась на стоявшего перед ней человека. Похоже, он решил сегодня ее поразить.

– Президентский съюит, – растерянно пробормотала она. – Там жил Билл Клинтон во время визита в Москву.

Если бы Денис Иванович сказал, что проживает в Кремле, она была бы изумлена гораздо меньше.

– Да, – согласился Булочкин, кивая на прощание кому-то из своих друзей. – Кажется, он действительно там жил. До свидания, Слава. Я тебя поздравляю, – сказал он подошедшему другу. – Ты просто молодец. У тебя потрясающая выставка. Очень талантливая.

Надя с неожиданной ненавистью посмотрела на Орехова. И тот еще смеет показывать свои картины и выслушивать комплименты от такого гениального человека, как Булочкин. Орехов улыбался и благодарил своего друга. Денис Иванович еще раз пожал ему руку и пошел к выходу.

На улице он увидел понуро стоявшего водителя. Лишившийся машины, молодой человек не знал, что ему делать. И на всякий случай ожидал хозяина, чтобы получить указания. Денис Иванович подошел к нему. Водитель мрачно молчал, ожидая, что его будут ругать. Машину у него отобрали, и, значит, какая-то часть вины лежала и на нем, полагал водитель. Во всяком случае, большинство владельцев автомобилей сорвали бы свою злость именно на водителе, представлявшем фирму, продавшую автомобиль по такой баснословной цене.

Но Денис Иванович неожиданно улыбнулся и обнял молодого человека за плечи.

– Остались мы с тобой безлошадные, – сказал он. – Ничего страшного. Я думаю, за несколько дней они разберутся и вернут машину. А ты завтра приезжай ко мне в отель. Придумаем что-нибудь. Тебе ведь нужна работа?

– Да. – Водитель ошалело смотрел на человека, которого не волновало изъятие автомобиля, стоившего целое состояние.

– Ну и ладно. Завтра придешь ко мне. И не волнуйся, найдем временно другой автомобиль, – улыбнулся на прощание Денис Иванович. Он поднял голову. Становилось холодно, а он был в одном костюме без верхней одежды. Он даже не мог подумать, что его машину отберут.

– Может, мне остановить для вас машину? – несмело предложил водитель.

– Хорошая идея, – кивнул Булочкин. – Давай быстрее, а то я сейчас замерзну.

Водитель сорвался со своего места. Через минуту он уже махал рукой, подзывая Дениса Ивановича. Тот подошел к машине, напомнил молодому человеку, чтобы завтра приехал к нему в отель, и уселся в автомобиль.

В холле его встретил Кирилл Григорьевич, который сообщил, что представители лучших мебельных салонов Москвы уже собрались в отеле. Он не стал уточнять, что все представители, словно сговорившись, предлагали ему одни и те же проценты. Из-за чего он не смог сделать

должного выбора и решил предоставить такое право самому Денису Ивановичу. Но неожиданно выяснилось, что его гость не в настроении. Он устал и к тому же вернулся в отель без своего роскошного автомобиля, который конфисковала таможня. Кирилл Григорьевич понял все без лишних слов. Он отослал представителей мебельных салонов, пообещав им встречу завтра. И поднялся в апартаменты к Булочкину, надеясь оказаться полезным еще в каких-нибудь вопросах.

Денис Иванович сидел в кресле, бросив пиджак на кровать. Он снял обувь, развязал галстук. И смотрел на телефон, понимая, что нужно позвонить Рите и ее успокоить. Но после посещения галереи у него не оставалось сил на долгие объяснения. И он сидел в кресле, рассчитывая позвонить немного позже. В конце концов Рита была ярко выраженной «совой». Вечерний инцидент с автомобилем был лишь неприятным напоминанием о необходимости упорядочить все свои дела. В апартаментах был сейф, куда он сложил оставшиеся деньги. Их было совсем немного, немногим больше ста тысяч долларов. Все остальное он успел потратить за один день. Теперь можно было передохнуть. Деньги были вложены в недвижимость, в банк, в машину, словом, в различные ценности. И хотя автомобиль таможня забрала, но они все равно должны будут его вернуть, или фирма выдаст ему новую машину. Он услышал, как позвонил портю, и открыл дверь, разрешая ему войти.

– Извините, что я вас беспокою, – вкрадчиво сказал портю, – но я видел, в каком настроении вы вернулись. Это безобразие, которое случилось с вашим автомобилем, мы завтра уладим. Можете не беспокоиться.

– А я не беспокоюсь, – усмехнулся Денис Иванович. – Ничего страшного. Вы лучше вызовите мне какой-нибудь автомобиль, чтобы я мог поехать к... одной своей знакомой.

– Дежурная машина будет вас ждать, – сразу сказал Кирилл Григорьевич. – Сегодня я решил не уезжать домой. Чтобы остаться дежурить в отеле. Я буду готов выполнить любое ваше желание. Любое.

Денис Иванович не обратил внимание на последнее слово, сказанное портю с некоторым ударением. Но Кирилл Григорьевич решил не отступать.

– Вы понимаете, – продолжал он своим мягким голосом, – обычно наши клиенты очень известные люди. И мы стараемся их огораживать от назойливых посетителей, охранять покой наших клиентов.

– Очень похвально, – равнодушно сказал Денис Иванович.

– Но мы готовы и обеспечить нашего клиента всем необходимым, – пояснил Кирилл Григорьевич.

– Ничего не понимаю, – признался Денис Иванович, – о чем вы говорите? Все, что нужно, вы уже доставили в мой номер. И, как я думаю, даже гораздо больше, чем нужно.

– Может быть, вам не стоит никуда уезжать? – спросил Кирилл Григорьевич. – Мы могли бы...

– Как это не стоит? – перебил его Булочкин. – О чем вы говорите?

– Мы готовы познакомить вас с очень достойными женщинами, которые могли бы скрасить ваше одиночество, – сообщил велеречивый портю.

– Со шлюхами? – поморщился Денис Иванович. – Спасибо, не нужно. Я как-то равнодушен к таким вещам. Никогда не пользовался платной любовью.

– Конечно, – чуть не оскорбился Кирилл Григорьевич. – О чем вы говорите? Я имел в виду вполне достойных женщин, которые могут с вами поговорить, сходить в ресторан, помочь в решении ваших проблем.

– Ничего не нужно, – отмахнулся Денис Иванович, – спасибо вам. И лучше приготовьте машину. Я уеду и вернусь с одной дамой, которая останется у меня в номере.

– Как вам угодно. – Портю бесшумно вышел из комнаты. Мягко закрыл за собой дверь.

Денис Иванович посмотрел по сторонам. Ну и что он здесь делает? Зачем ему нужно было весь день валять дурака? Лучше бы отдал деньги в милицию и сразу вернулся к Рите. Что он себе купил, потратив все деньги? Дачный коттедж, в котором они не смогут жить, так как там нужно вносить огромную годовую плату за услуги фирмы, построившей этот коттедж и обеспечивающей его всем необходимым – от автономного электричества, собственного подвода воды до охраны и наружного наблюдения. Или квартиру, которую еще нужно обставить и убирать. А у него осталось не так много денег. Зачем нужно было покупать машину такого класса? Он ведь столько лет вполне обходился «девяткой». А сейчас захотел «БМВ» представительского класса. Разве такая машина нужна, чтобы ездить по городу? И зачем им такая машина?

Все эти костюмы, которые ему принесли. Он чувствует себя в них как спесивый индеец. Ну один костюм он бы мог себе оставить. А все остальные? Он вспомнил Орехова. «Какой он молодец, как он вырос за эти годы. Поэтому его ценят не только в Москве, но и в Америке. И женщина, которая рядом с ним. Кажется, ее зовут Надей. У нее внимательные, умные глаза. Молодец Слава, нашел такую женщину».

Он встал и подошел к зеркалу. Недовольно посмотрел на себя, сморщился. Нет, эти апартаменты не для него. Все равно не съешь больше одного обеда, не наденешь на себя больше одного костюма. Просто в последнее время он немного разленился, распустился. Нужно позвонить Павлу и сказать, что он будет работать в этом клубе железнодорожников. А оставшиеся деньги отдать в детские дома. Им с Ритой нужно не так много. Они вполне могут хорошо жить на двести-триста долларов в месяц. В этот момент в номер опять позвонили. Он нахмурился. Этот любезный портье начинал ему надоедать. Неужели он опять явился с каким-то предложением?

Когда Денис Иванович открыл дверь, на пороге стояли двое незнакомцев. И рядом с ними Кирилл Григорьевич, на которого жалко было смотреть. Он явно нервничал.

– Это господа из налоговой инспекции, – пояснил портье. – Они хотят с вами поговорить.

– Пришли узнать, плачу ли я налоги или нет? – криво усмехнулся Булочкин.

– Нет, – выступил вперед один из незнакомцев. Это был полный человек в коричневом костюме. – Извините, что мы вас беспокоим.

– Налоговая инспекция, – кивнул Денис Иванович. – «Маски-шоу», это про вас?

– Нет, не про нас. Мы проводим свои мероприятия открыто. И мы хотим вас предупредить, что банк, который сегодня открыл вам золотую карточку, не имел права принимать от вас деньги.

– Как это не имел? – не понял Денис Иванович. – Вот у меня их золотая карточка. Она в пиджаке, я могу вам ее показать. И я вложил огромную кучу денег в этот банк. А теперь вы говорите, что он не имел права принимать от меня деньги.

– Так и есть, – кивнул его собеседник. – Мы не хотели вас волновать, но дело в том, что этот банк находится под нашим наблюдением. У них большие проблемы, и мы готовили письма в прокуратуру. Они недоплатили налогов за три последних года, и мы предлагаем либо закрыть банк, либо его перерегистрировать.

– При чем тут я? – не понял Денис Иванович. – Вы лучше занимайтесь банком. Мне рекомендовал этот банк наш портье. Кирилл Григорьевич, вы уверяли меня, что это хороший банк?

– Мне тоже так говорили, – жалобно простонал Кирилл Григорьевич.

– Вот сами и разбирайтесь, – отрезал Денис Иванович. – Меня ваши проблемы не касаются.

– Мы только хотели вас предупредить, что с карточкой у вас могут быть проблемы. Возможно, недолго, лишь несколько дней. Пока мы не закончим проверку.

– Поступайте как знаете. – Он действительно устал от этих проблем. И ему больше не хотелось слушать жуликоватого портье, который подсунил ему этот непроверенный банк. И представителей налоговой службы, которые наверняка хотели посмотреть, кто именно вложил в закрывающийся банк такую сумму денег.

– Извините, – сказал мужчина в коричневом костюме.

Сама роскошная обстановка номера действовала на него, подавляя любые хамские выпады, которые он бы наверняка позволил себе в другом месте. Но портье предупредил его, что в этих апартаментах живет всемирно известный художник. А представитель налоговой инспекции был человеком достаточно образованным, чтобы понять разницу между богатым представителем творческой интеллигенции и просто богатым человеком, успевшим обмануть государство и своровать несколько миллионов. Именно поэтому он не сажился в присутствии Булочкина, терпеливо объясняя, какие проблемы могут возникнуть у владельца пластиковой карточки этого банка.

– Я вас понимаю, – кивнул Денис Иванович, – но вы напрасно так нервничаете. Мне нужна была карточка, и я ее открыл в этом банке. Я не знаю, какие у них проблемы с вашим ведомством, и знать этого не хочу. Меня интересовала только карточка. Если у них такие неприятности, то я завтра закрою свой счет и переведу деньги в другой банк.

– Этого мы вам не предлагали, – осторожно сказал гость. – Мы лишь хотели увидеться с вами, чтобы предупредить о проблемах этого банка.

– Спасибо, – взмахнул рукой Булочкин, – но мне как-то неинтересно слушать об их проблемах. Если у них неприятности с законом, то, значит, их банк ненадежен и я завтра закрою там счет. Кирилл Григорьевич наверняка завтра найдет другой банк, более надежный, – не удержался от выпада в адрес портье Денис Иванович. Портье притворно и шумно вздохнул.

– До свидания, – вежливо сказал представитель налоговой службы.

Когда оба гостя вышли из апартаментов, он спросил своего помощника: «Все точно проверил? Он действительно художник?»

– Да, я уточнил через Союз художников. Денис Иванович Булочкин, он член Союза уже много лет.

– Черт знает, что происходит, – разозлился мужчина в коричневом костюме. – Какие-то неизвестные художники живут как миллионеры. Я еще понимаю, если Зураб Церетели или этот, как его зовут... Глазунов, они очень известные. А когда какой-то Булочкин миллионер, то ничего понять не могу.

– Он вложил в банк двести тысяч долларов наличными, – напомнил помощник.

– Вот именно. Такие деньги бывают только у бандитов. Теперь я знаю, что они бывают еще и у художников. Похоже, нам нужно пересмотреть наши позиции. Нужно потрясти эту шушеру – всех этих писателей, художников, композиторов, певцов. Похоже, здесь вертятся огромные деньги.

– У одного на миллион, – поморщился помощник. – Остальные живут как бомжи.

– Ну не скажи. Ты же видел, как устроился этот Булочкин. А мы про него ничего не знали. Главное, что он подтвердил сумму своего вклада. Ничего, ничего. Когда закончим с банком, мы его тоже немного потрясем. Интересно узнать, откуда у него такие деньги в наличной валюте и заплатил ли он налоги с такой суммы гонорара, если, конечно, это гонорар.

Оставшийся в апартаментах Кирилл Григорьевич чуть не плакал от возмущения и обиды.

– Вы знаете, как сейчас трудно устраивать свои дела, – лепетал он, – как все пытаются вас обмануть. Меня уверяли, что это самый надежный банк, самый лучший. Они сделали вам золотую карточку за несколько часов. Вы сами говорили, что торопитесь и вам нужно срочно получить карточку.

– Говорил, – согласился Денис Иванович, – но я ожидал, что вы порекомендуете мне порядочных людей и надежный банк, а не учреждение с проблемами.

– Мы завтра все проверим, – заверял его Кирилл Григорьевич. – Я позвоню в другой банк, и мы переведем туда деньги. Оставим этих жуликов на бобах. – Он вдруг подумал, что и с другого банка можно будет получить комиссионные за такую сумму денег.

– Надеюсь, – пробормотал Денис Иванович, – насчет машины вы не забыли?

– Ждет вас на улице. Можете спуститься, когда захотите. Она будет дежурить всю ночь. – Кирилл Григорьевич попятился к выходу.

– До свидания, – сказал Денис Иванович, закрывая за ним дверь. Ему нужно отсюда уезжать. Проблемы нарастают как снежный ком.

Он вернулся в кабинет. Здесь были пакеты, сумки, коробки. Неожиданно он увидел знакомый пакет. В нем были полбатона хлеба, две булочки и бутылка виски, которую ему утром подарил Слава. Когда это было – в другой жизни? Или в единственно реальной? И все, что произошло с ним за этот день, было лишь сном?

Сегодня рано утром он вышел из дома, чтобы купить хлеба и картофеля. Как обидно. Он забыл про картошку. Денис Иванович даже повернулся, чтобы вызвать портье и попросить его достать три килограмма картофеля. И только потом, когда он понял, что именно хотел сделать, он расхохотался. «Представляю лицо этого портье, когда я попрошу достать его три килограмма свежего картофеля. Наверно, он решит, что я сошел с ума. Хотя достанет. Этот пройдоха достанет все, что угодно». Денис Иванович сел в кресло.

«Теперь я миллионер, – подумал он, глядя на разбросанные пакеты. – Теперь я имею солидный счет в банке, который, правда, не очень надежен, но это уже не самое главное». Он рассредоточил деньги по разным местам и теперь может чувствовать себя относительно спокойно. На самом деле миллион долларов – это не такие большие деньги для очень хорошей жизни. Всего лишь для начальных приобретений. А с другой стороны, если жить на пятьсот долларов в месяц... На сколько хватит этих денег? Он закрыл глаза. В год получается шесть тысяч. Тогда денег хватит... хватит на сто шестьдесят шесть лет. А если тратить тысячу долларов в месяц? Тогда получается двенадцать тысяч в год. И денег хватит на восемьдесят три года вперед.

«Глупые подсчеты», – нахмурился Денис Иванович. Все равно он уже потратил большую часть денег. И правильно сделал. Лучше иметь на таможне свой купленный автомобиль, чем ходить по улицам города с миллионом долларов в сумке. Хорошо, что он успел избавиться от наличности. А с другой стороны, зачем ему эти апартаменты и все эти пакеты? Нужно возвращаться к Рите. Он взял телефон и быстро набрал номер.

– Слушаю, – услышал он взволнованный голос Риты.

– Здравствуй, – сказал он, чуть волнуясь, словно они не разговаривали уже много лет.

– Ты где пропадаешь? – испуганно спросила Рита. – Моя сестра к нам приезжала, про тебя рассказывала. О тебе сегодня говорили по каналу «Культура». Но вместо тебя показали другого человека. Где ты пропадаешь?

– Это меня показывали, – устало признался Денис Иванович, чуть поморщившись. Ему было обидно, что его не узнали. – Я скоро приеду и все тебе объясню.

– А у нас есть для тебя сюрприз, – сказала вдруг Рита непривычно счастливым голосом.

– У меня для тебя тоже сюрприз, – пробормотал Булочкин. – Вернусь и все расскажу. До свидания. Ты за меня не волнуйся. У меня все в порядке.

Он положил трубку, снова огляделся. Обстановка начинала действовать ему на нервы.

«Чего я здесь делаю?» – раздраженно подумал он. Тут в дверь снова позвонили.

– Проходной двор! – закричал он, подходя к двери и рывком открывая ее.

Глава 8

На пороге стояла Надя. Он удивленно замер, отступил в номер, впуская ее к себе. И закрыл дверь.

– Вы пришли? – сказал он изумленно.

– Не говорите ничего, – быстро сказала Надя. – Я пришла, чтобы с вами поговорить.

Она сняла свое манто, бросив его на кресло. И села на стул, положив ногу на ногу. Затем достала сигареты, протянула их Денису Ивановичу. Тот покачал головой. Если они с Ритой будут тратить деньги еще и на сигареты, то им действительно станет трудно жить. Он вдруг улыбнулся. Привычка, въевшаяся в натуру. Он по-прежнему мыслил категориями прошлой жизни. Сейчас у него есть деньги на лучшие сигары в мире.

– Я все про вас знаю, – безапелляционно сказала Надя.

– Так уж все. – Он сел напротив нее за круглым столом.

– Да-да. Я видела, как вы давали деньги Павлу Меженину, как отказались от своей дорогой машины. Я все про вас знаю. Вы гениальный художник и прекрасный человек. Только скажите правду. Вы работаете с Бекингемским дворцом? Или с королем Испании?

– Что вы говорите? – изумился Денис Иванович. – Разве я похож на придворного художника?

– Я не хотела вас оскорбить. – Она оглядела комнату. – Должна сказать, что я очарована вашим вкусом. У вас прекрасный номер. Портье подтвердил мне, что в этих апартаментах жил Билл Клинтон. Вы специально сняли именно этот номер, чтобы спать на его постели?

– Я еще даже не ложился, – признался он. «Это портье ко мне ее направил», – понял Денис Иванович, – какой проходимец. Он ей даже про Клинтона рассказал».

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнила Надя. – Но если вы не имеете права говорить, с какой именно королевской семьей вы работаете в Европе, то я вас понимаю. Это государственная тайна.

«Она абсолютная дура, – разочарованно подумал Денис Иванович, – амбициозная самолюбленная дура. А я думал, что она умная. Бедный Слава, как ему не повезло. Моя Рита, конечно, не ангел, но все поняла бы гораздо лучше».

– Я работаю с Маргаритой Первой, – пошутил он.

– Это норвежская или голландская королева? – спросила она. – Впрочем, не имеет значения. Я все продумала. У меня хорошие связи. Сегодня вы дали интервью на канале «Культура», а завтра мы попытаемся выйти на общенациональный канал. Мне обещал их директор.

– Я не хочу выходить на общенациональный канал, – возразил Денис Иванович. – Мне вообще ничего не нужно.

– Конечно, не нужно. – Она потушила сигарету в пепельнице. – Имея такие доходы, вы можете позволить себе жить инкогнито.

– Какие доходы? – Он уже собирался ей все рассказать, когда она прервала его.

– Не нужно, – быстро сказала Надя, – мне все известно. Вы действительно купили сегодня квартиру и дачу. Честное слово, я вам не верила. Все остальные фамилии на слуху, но вы... я не хочу сказать, что вы неизвестны, но вам нужно чаще бывать на разных тусовках. Я могу устроить вам приглашения на нужные приемы и свести с очень известными людьми.

«Она даже узнала про мои покупки», – вздохнул Денис Иванович.

– Извините, – сказал он, глядя ей в глаза, – я очень устал и должен уезжать. Давайте перенесем наш разговор на завтра.

– Когда вы приедете? – неожиданно спросила она. – Вы вернетесь сюда ночевать?

– Конечно, вернусь.

– В таком случае я вас подожду, – безапелляционно заявила она. – Здесь достаточно уютно.

Он разозлился. Если так пойдет дальше, она его просто изнасилует. А он никогда не имел дела с женщинами своих друзей. И всегда считал это самым подлым и постыдным.

– Вы меня не поняли, – сказал он упрямо. – Я вернусь не один. Со мной будет женщина. Надя посмотрела на него.

– Как вам не стыдно, – неожиданно сказала она. – Я ведь знаю, что вы лжете. Слава сказал мне, что вы не женаты.

– Он вам сказал неправду, – разозлился Денис Иванович. – У меня есть подруга, с которой я живу много лет. И я собираюсь удочерить ее дочь от первого брака.

– Вам уже пора иметь своих детей, – хищно улыбнулась она.

«Почему она не уберется?» – жалобно подумал Денис Иванович.

– Такой мужчина, как вы, нуждается в женском руководстве. – Она поднялась и подошла к телефону, даже не спрашивая его разрешения. – Принесите сюда бутылку шампанского, – приказала она. – И фрукты.

Она вернулась на свое место, села на стул и вызывающе устала на Дениса Ивановича. Он смущенно молчал, не зная, как себя вести.

– Вам нужен друг, – говорила она негромко, но очень убедительно. – В нашем городе трудно пробиться, даже будучи очень состоятельным человеком и гениальным художником. Нужны связи, знакомства, нужные люди. Достаточно, чтобы о вас написали несколько статей известные критики. Им можно заплатить. Нужно организовать несколько телевизионных передач, пригласить вас в популярные программы. Я думаю, можно сделать так, чтобы уже через полгода вы были бы не менее известны, чем сегодняшние звезды.

– Я не звезда, – упрямо сказал Денис Иванович, – и не могу стать известным художником. Для этого, кроме появления в репортажах и хороших статей оплаченных критиков, нужно иметь и хорошие картины, которых пока у меня не так много. Вот у вашего друга, Славы Орехова, они есть.

– У Орехова? – Она расхохоталась обидным, злым, истеричным смехом. Денис Иванович даже вздрогнул. Рита так никогда не смеялась. Это был обидный, уничижительный смех.

Булочкин хотел что-то сказать, но в этот момент позвонил мобильный телефон. Денис Иванович вздрогнул и посмотрел по сторонам. Он еще не успел завести себе этот неременный атрибут делового человека. Надежда достала аппарат из своей сумочки.

– Слушаю, – нервно сказала она.

– Надя, – услышала она взволнованный голос своей подруги Люси, – извини, что тебя беспокою. Но Алексей сказал, чтобы я тебе позвонила.

– Что случилось? – мрачно спросила Надежда.

– У них большие проблемы с этой квартирой...

– Какой квартирой? – не поняла Надя. – Позвони попозже, я сейчас занята.

– Не отключайся, – буквально взмолилась Люся, – нам нужна твоя помощь. Ты говорила, что знаешь этого художника. Булочкина Дениса Ивановича.

Надежда посмотрела на сидевшего напротив художника. И громко ответила:

– Нет, я его не знаю. Извини, Люся, но я сейчас очень занята.

– Подожди, подожди, – нервно попросила подруга, – у Алексея возникли проблемы с недвижимостью. Как раз с квартирой этого художника. Может, ты нам поможешь?

– Помочь? – Она снова посмотрела на Булочкина. Он сидел на стуле, скрестив руки на груди. Весь вид его говорил о том, что он человек скрытный. Или он был закрыт для нее? Она кое-что понимала в психологии человеческих отношений. Может быть, стоит ему помочь, чтобы таким образом завоевать его доверие? Она колебалась.

– Ты меня слышишь? – торопила ее Люся. – Это очень важно. Алексею нужно встретиться с ним и переговорить.

– Извини. – Она наконец решилась. Закрыла аппарат рукой и, обращаясь к Денису Ивановичу, сказала: – Вас ищут представители риелторской фирмы, у которых вы купили квартиру. Они хотят срочно встретиться с вами.

– Какая еще фирма? – устало переспросил Денис Иванович.

– У которых вы купили квартиру, – еще раз объяснила она.

– Опять двадцать пять, – усмехнулся Булочкин. – Наверно, у них проблемы с налогами или квартира «не растаможена», – горько пошутил он, криво улыбувшись.

– Что? – не поняла она.

– Ничего. Я говорю, что у всех свои проблемы. Если хотят, пусть приезжают. Только очень быстро. У меня мало времени. А вообще узнайте, нельзя ли перенести наш разговор на завтра?

– Вы, кажется, меня не поняли, – изумленно произнесла она. – Речь идет о квартире, за которую вы сегодня заплатили огромные деньги. Или вам действительно все равно? Ну, знаете. Можно играть, но не до такой же степени.

– А я и не играю. Устал я от этих проблем. Если действительно нужно срочно со мной встретиться, пусть приезжают. Но только очень быстро.

– Люся, Денис Иванович разрешил Алексею приехать. Только учти, он очень торопится и поэтому просил приехать как можно быстрее. Мы в отеле «Мэрриот» на Тверской, в президентском сюите. Здесь жил раньше Клинтон, – не удержалась от подобного сообщения Надя.

– Значит, ты вместе с ним, – обрадовалась Люся, – а как же Слава? Ты молодец, Надя, я всегда в тебя верила.

– Когда вы можете приехать? – спросила Надя.

– Мы недалеко от центра, – сообщила Люся. – Спасибо тебе, Наденька, ты всегда нас выручала.

Надя хотела добавить, чтобы Люся не поднималась в номер, но, взглянув на Дениса Ивановича, не стала ничего говорить. И убрала аппарат в сумочку. В этот момент в дверь постучали. Денис Иванович коротко выругался и, поднявшись, пошел открывать дверь. На пороге стоял официант, поднявший из ресторана тележку с шампанским и большой вазой с фруктами. Булочкин недовольно взглянул на него, потом обернулся к этой нахалке, отнимавшей у него так много времени.

– Принесли ваш заказ, – недовольно сказал он, обращаясь к Наде.

– Очень хорошо. – Она поднялась и подошла к официанту, придерживая дверь, чтобы он вкатил тележку в номер. Затем дала официанту пять долларов и попросила его открыть бутылку шампанского. Официант открыл бутылку, поставил на столик ведро, наполненное льдом. Поместил туда бутылку. Переложил вазу, разложил тарелки, ножи, вилки, салфетки. И только затем протянул ей счет, чтобы она расписалась. Она взяла счет, нерешительно посмотрев на спину уходившего в кабинет Дениса Ивановича. Счет был большой, шампанское оказалось очень дорогим. Она пожалала плечами. В конце концов для человека, который тратит сотни тысяч долларов в один день, это совсем не сумма. Она достала ручку и расписалась за него.

Она посмотрела на шампанское и задумалась. Почему-то художник вел себя совсем не так, как другие мужчины.

«Неужели я старею, – с ужасом подумала Надя, – и перестаю нравиться мужчинам? Неужели он ко мне абсолютно равнодушен? По-моему, я его даже раздражаю. Или мне это только кажется?» Отступить она не любила и не умела. Поэтому, наполнив янтарной жидкостью два бокала, она подняла их и прошла в кабинет. Он стоял спиной к ней, глядя в окно.

«У гениев бывают свои причуды», – подумала Надя. Этот человек не смог бы обидеть ее, даже если бы не захотел с ней разговаривать. Сегодня она была очарована и его поведением, и его благородством.

– Извините, – тихо позвала она Дениса Ивановича, – я принесла вам шампанское. Вы любите шампанское?

– Что? – повернулся он к ней. – Нет, не люблю. Но если нужно... – Он подошел к ней и взял бокал. – Ваше здоровье, – сказал он, легко прикоснувшись к ее бокалу.

– За вас, – томно улыбнулась Надя и сделала несколько глотков.

Он выпил шампанское. Оно было кислым и невкусным. Он больше привык к сладкой газированной воде, по недоразумению называемой шампанским. Подобные дорогие сорта он никогда не пробовал. И поэтому поморщился, поставив бокал на столик.

– Вам не нравится? – встрепелась она. – Наверно, вы не любите этот сорт шампанского?

– Я вообще не люблю шампанского, – признался Денис Иванович. – Мне больше нравится водка. Только сейчас я не в настроении.

– Понимаю, – кивнула она, отложив свой пустой бокал, – вы, наверно, переживаете из-за своего автомобиля. Но его вам вернут. Я могу узнать, что с ним случилось. У меня есть знакомые в нашем Таможенном комитете.

«Кажется, у нее есть знакомые во всех наших ведомствах, – устало подумал Денис Иванович. – Интересно, если я попрошу ее устроить меня по знакомству в рай, неужели у нее будут знакомые ангелы?»

– Меня не очень интересует эта машина, – откровенно признался он. – Сегодня я устал и поэтому выгляжу немного вялым.

– Может, вам не нужно сегодня никуда уезжать? – сделала она последнюю попытку.

– Стоит, – отрезал он. – Мне действительно нужно уехать. Извините меня, кажется, сегодня я очень неудобный собеседник.

Она улыбнулась. Если даже он будет молчать, то и тогда он останется ей интересен. Но в подобном положении она оказалась впервые. Обычно мужчины эмоционально реагировали на ее появление. А этот истукан даже не смотрит в ее сторону. Неужели у нее есть более молодая соперница? Кажется, здесь ей ничего не светит. Нужно убираться отсюда, пока она не попала в более смешное положение. Но уходить не хотелось. Он как-то странно посмотрел на нее.

– Размышляете, какая метаморфоза со мной произошла? – неожиданно спросил Денис Иванович. – Думаете, как могло такое случиться? Сегодня утром перед вами был полуоборванный тип, похожий на бомжа, а сейчас миллионер в этих дурацких апартаментах.

– Ну почему дурацких? – попыталась возразить Надя.

– Пусть будут не дурацкие, – согласился он. – Впрочем, какая разница. Мне они уже порядком надоели. И все эти проблемы с машинами, счетами в банке, квартирами. Гораздо лучше жить без них. Как вы считаете?

– Конечно. – Она наконец села на стул. Он начал с ней говорить, и это уже хороший знак. Но он по-прежнему не садился, предпочитая стоять у окна. – Вам, наверно, нужно нанять хорошего агента, – сказала она.

«Сейчас сообщит, что у нее есть такой человек», – подумал Денис Иванович.

Но у нее хватило ума не произносить подобной фразы. Она только сочувственно вздохнула.

– Сейчас так трудно найти порядочного человека, – призналась она.

«Неужели она сама захочет быть таким агентом?» Он чуть не улыбнулся, глядя на нее. И вдруг, посмотрев ей в глаза, сказал:

– Вы думаете, у меня есть деньги? Вы полагаете, что я богатый человек? Ничего подобного. Я не заработал за последний год ни одного доллара. Просто я сегодня утром нашел миллион долларов в шахте лифта. Вот и стараюсь его потратить. А у меня ничего нет.

Она смотрела на него и вдруг громко расхохоталась. Потом поднялась со стула.

– А вы мне начинаете нравиться, – сказала она, – у вас есть настоящее чувство юмора. В наши дни это большая редкость. Чисто английский юмор.

«Зато у вас наша отечественная глупость», – хотел сказать он, но в этот момент в дверь опять позвонили. Денис Иванович направился к двери.

Глава 9

На пороге стояли незнакомцы. Мужчина и женщина. И рядом с ними портье. В глазах Кирилла Григорьевича была столь не свойственная ему растерянность. И вообще всем своим видом он выражал крайнюю степень озабоченности и огорчения.

– Опять что-нибудь не так? – усмехнулся Денис Иванович. – Уже одиннадцатый час вечера. Я думал, что на сегодня все неприятности уже закончились.

– Эти господа хотели с вами встретиться, – простонал Кирилл Григорьевич. – У них к вам важное дело.

– Неужели нельзя перенести его на завтра? – спросил Денис Иванович. – Я сегодня очень устал, и мне нужно уезжать.

– Нельзя, – сказал вместо портье незнакомец. Ему было лет тридцать пять. Его спутница была немного постарше. Она не сводила своих восторженных глаз с Булочкина.

Перекрашенная блондинка. Короткий плащ и короткое платье.

– Вы нас извините, господин Булочкин, – решительно сказал молодой человек, – но я считал своим долгом приехать сюда прямо сегодня и поговорить с вами об очень важном деле.

Булочкин посторонился, и в его номер вошли все трое. Портье с убитым видом взял стул и уселся в углу, демонстративно отстраняясь от всего случившегося. Молодые люди оглядывались вокруг. Апартаменты явно произвели на них впечатление. Когда они сели за стол, Денис Иванович уселся напротив и попросил:

– Только покороче. Я должен уезжать. У меня очень важное дело.

– Да-да, конечно, – кивнул молодой человек. Он поправил волосы, нерешительно взглянул на свою спутницу.

И в этот момент в комнате появилась Надежда.

– Здравствуй, Алексей, – сказала она, обращаясь к гостю. – Ты тоже приехала, Люся... – усмехнулась она и, пройдя к столу, демонстративно села рядом с Денисом Ивановичем. Тот покосился на нее, но ничего не произнес.

«Какая-то безумная сцена, – подумал он, – просто театр абсурда».

– А ты уже живешь в этом номере? – прошипела Люся. – Я тебя поздравляю, Надя. У тебя хорошая хватка.

– Ты тоже не внакладе. Алексей настоящее сокровище, – парировала Надя.

– Подождите, – попросил Денис Иванович, – вы потом обменяетесь любезностями. Давайте скорее начнем и закончим наш разговор. Вас, кажется, зовут Алексей? – обратился он к молодому человеку. – Вы можете мне сказать, Алексей, что здесь происходит? Почему вы вломились ко мне поздно ночью и требуете срочного разговора?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.